МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ
Мой Сталинград

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знал ли в 1942-1943 годах- находясь в самом эпицентре Сталинградской битвы - политрук Михаил Алексеев, что пройдет совсем немного времени, и произведения писателя Михаила Николаевича Алексеева "Солдаты", "Пути-дороги", "Наследники", "Вишневый омут", "Хлеб - имя существительное", "Ивушка неплакучая", "Мой Сталинград" поставят его в один ряд с крупнейшими советскими русскими писателями XX века?.. И мог ли предположить Герой Социалистического Труда, лауреат государственных и литературных премий писатель М. Алексеев, что через десятки лет после окончания великой битвы свершится чудо и ему представится возможность вернуться в суровые военные годы, к истокам "писательской биографии"...

- Михаил Николаевич Алексеев
  -
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая

Михаил Николаевич Алексеев

Через годы, через расстояния

Автобиографическая повесть в письмах

Глава первая
Возвращение сталинградского огня

Он вернулся ко мне через шестьдесят лет, мой огненно-кровавый, светлый и чистый Сталинград 42-43-х годов. Вернулся вполне осязаемо - в виде моих военных писем...

Александр Проханов в своем выступлении на презентации "Моего Сталинграда" сказал: "У меня возникло ощущение, что эта книга является длинным, обстоятельным письмом фронтовика о том, что с ним происходило на фронте. Письмо это Михаил Алексеев писал пятьдесят с лишним лет. Начинал писать еще тогда, в сталинградских степях, своим домашним, в саратовскую глубинку, но потом сам вернулся домой и сам прочитал свое давнишнее письмо. Он одновременно и отправитель военных треугольников зимы 1942/43 года, и их отправитель спустя полвека".

Ощущение А.Проханова оказалось поразительно точным по главной сути. Замечу лишь, что "давнишнее письмо" составилось из множества писем, и писались они не пятьдесят лет, а двести дней и двести же ночей в окопах Сталинграда, день за днем на протяжении всего побоища. А посылались те треугольники не моим домашним в саратовскую глубинку, а в малюсенький город Ирбит, затерянный где-то в уральских горах, куда во время эвакуации перебралась из города Сумы одна украинская семья, а с нею, сообщал я в "Моем Сталинграде", прелестнейшее существо по имени Оля Кондрашенко. Жили мы в одном доме в уютном и ласковом городишке на берегу поэтичнейшей речки Псел. И конечно же, не могли не подружиться. И не знали, что дружба наша будет очень долгой. И виною тому Оля, Ольга Николаевна - она не давала (да и сейчас не дает) погаснуть этому светильнику нашей прекрасной дружбы, так и не перешагнувшей порога, за которым было бы уже другое...

Вот ей-то, Оле Кондрашенко, я и посылал все свои сталинградские письма. И она сохранила их все до единого! И лишь теперь, спустя не пять, а шесть десятков без малого лет, переслала их мне. Сталинград из кроваво-огненной своей купели вновь вернулся ко мне в моих же собственных письмах. Часть из них использовала газета "Российский писатель" в довольно большом материале, названном достаточно точно: "Возвращение огня". Основная масса моих писем, к сожалению, получена мной, когда работа над романом уже подходила к концу. Но мог ли я упрекнуть свою верную подружку за задержку с присылкой писем,

когда она, советская патриотка, оказалась вдруг "за границей", живет теперь одна-одинешенька в Ужгороде, куда привезли ее с Урала родители, ныне уже ушедшие из жизни?

После войны переписка моя с Олей возобновилась и продолжается по сей день. Ни в одном из множества писем ко мне нет ни малейшего упрека в том, что в основном по моей вине наша светлая дружба не завершилась тем, на что вроде бы естественно рассчитывали. Судьба распорядилась по-своему...

12 июля 1982 года получил от Ольги письмо- не помню, какое уж по счету! В "первых строках", как обычно, сетования, совершенно справедливые:

Уж давно нет от тебя весточки, ты совершенно не откликаешься на мои послания. В прошлом году исполнилось 40 лет со времени нашей встречи, знакомства, я тебе кое-что высылала к этой дате, а тебя просила выслать мне свой трехтомник, выпущенный военным издательством в 1981 году, но ты так и не исполнил моей просьбы (теперь, надеюсь, и читатель поймет, кто из нас надежнее поддерживал тот светильничек. - М.А.)... Высылаю тебе заказной бандеролью твои стихотворения, которые я оформила давным-давно, в годы войны, в Ирбите. Может быть, что-либо пригодится в период работы над романом о Сталинградской битве (у меня все это имеется в твоих письмах, а данные тетради, оформленные так по-детски еще, но с большой любовью, оставь в твоем архиве, Миша)...

Нельзя без умиления видеть, с каким трогательным участием и какой действительно любовью исполнено "издание" моей поэмы в одном экземпляре. Впрочем, в тетрадке, обложка которой разрисована волнующими и радующими глаз и сердце цветами, может быть, увиденными девушкой в уральских горах, помещены и другие мои стихи, написанные позднее уже, на других фронтах. В них, как и в "поэме", посвященной Николаю Сараеву, спасшему мне жизнь при выходе из окружения, собственно поэзии с гулькин нос, ею даже и не пахнет, если говорить честно. И все-таки, при всей их поэтической немощи, они тоже часть моей биографии, в них капелька душевного тепла и света, хранившегося в нас, фронтовиках, в условиях невыразимо тяжких и жестоких, когда до стихов ли было! И несмотря ни на что, рвались они, "пресволочнейшие", наружу. Одно из них, то, что незаслуженно назвал я поэмой, прорвалось даже на страницы "Моего Сталинграда". А в тетрадке-то Ольгиной их наберется с полдюжины. Таких вот, как это, явившееся на свет Божий под заголовком "Над фотокарточкой любимой".

Так уж и быть - привожу его здесь полностью:

Я узнал глаза твои, родная,
Этих губ знакомых очертанье.
Эта встреча на переднем крае
Самое чудесное свиданье.

Я на миг забылся, вспоминая
То, что позабыть не в состоянье...
Ты же знаешь, на переднем крае
Очень редки нежные свиданья.

Я забылся, взор твой синеокий
И твою улыбку вспоминая.
Где-то далеко ты на востоке,
Я ж иду на запад, наступая.

Я вхожу в сожженные селенья...
Все длинней меж нами расстоянье.
Я иду дорогой наступленья
К нашему грядущему свиданью.

Меня недавно спросили: "Эти стихи были посвящены именно Ольге Кондрашенко, или в них есть некий собирательный образ?" "Нет, - ответил я. Эти стихи были посвящены Оле, хотя вы правы, в них, безусловно, присутствует и собирательный элемент".

Переписка с Ольгой Кондрашенко у меня продолжалась и после Сталинградской эпопеи. Но Сталинград занимал особое положение и в характере нашей переписки, начавшейся, для меня во всяком случае, с Акмолинска, куда я попал во вновь формирующуюся 29-ю стрелковую дивизию, не зная, не ведая того, что в ее составе мне суждено будет пройти от начала и до конца все круги ада сталинградского побоища в должности политрука минометной роты и заместителя командира артиллерийской батареи.

14 мая 1942 года я писал своей подруге:

Здравствуй, Оля!

Сообщаю тебе, что из Акмолинска я выехал 29.03.42 года. Сейчас нахожусь близко от фронта снова. Скоро вступлю в бой с немецкими захватчиками. Прошу тебя не терять со мною связи. Если все кончится хорошо, наверняка увидимся. Пиши мне чаще письма. Если

потеряешь со мной связь, прошу связаться с братом, адрес которого я тебе давал.

В бой мне пришлось вновь вступить не так уж скоро и не там, где предполагалось.

"До поры до времени, - говорится в первых же строчках "Моего Сталинграда", - никто из нас, оказавшихся августовским летом сорок второго между Доном и Волгой, как между тяжким огненным молотом и наковальней, никто не знал, не ведал (повторю и здесь два этих слова! - М.А.), что Абганерово будет включено в наши души раз и навсегда, до последнего часа останется там у тех немногих, кому неким чудом удалось выжить.

Двумя неделями раньше сформированная в казахстанских степях 29-я стрелковая дивизия, новенькая, с иголочки, свеженькая, укомплектованная по штатному расписанию, предназначенная было для обороны Москвы на дальних подступах к ней и временно расквартированная под станцией Волово Тульской области, неожиданно, в одну июльскую ночь и в одно утро была погружена в эшелоны и с бешеной скоростью устремилась куда-то на юго-восток".

Впрочем, мы-то догадывались, куда именно.

И вот первое мое письмо оттуда:

9/VIII-42

Степь.

Дорогая Оля!

Сейчас, в самый тяжелый и опасный момент, я получил от тебя письмо. Можешь ли ты представить все волнения души моей в этот час?!

Нет, ты не можешь представить. Это может представить человек, находящийся со мною под непрерывным обстрелом с воздуха и земли.

Положение мое, моя дорогая, таково, что вряд ли мое письмо дойдет до тебя, но если оно все же дойдет, то я боюсь, как бы оно не было последним. Но не падай духом, подружка моя, я еще долго намерен биться с проклятым немцем, буду бить его до последней возможности. Сейчас, пока я пишу, все гудит вокруг, степь стонет и вздрагивает.

Плачется родная земля!

Хочется крикнуть на всю Русь: товарищ, друг, дорогой человек! Если ты способен держать в руках оружие, если ты можешь крепко взять в руки топор, лопату, вилы, оглоблю, если у тебя, русская женщина, в руках мотыга, кочерга - навались на немца! Он

кровожаден. Он пришел пожирать нас. Немец не хочет работать, он хочет пить чужую кровь.

Бей немца, чем можешь и где только можешь! Бей - ты спасешь Родину, ты не будешь презрен поколением за то, что отдал на поругание вислозадому немцу свою могучую державу. Если у тебя, советский человек, нет под руками ничего, чем бы мог ты гвоздить немца, то вырви собственное сердце и его, раскаленное лютой ненавистью, брось в ворога... Оля, дорогая моя девочка! Я очень люблю жизнь и очень хочу жить, и все-таки я отдам без страха эту жизнь, уже решил ее отдать... Я хочу жизнь (так сказано в письме. - М.А.), именно поэтому я и отдам ее.

Потому что не всякой жизнью я хочу жить. Я привык жить в стране, где человек является хозяином своей судьбы.

Но я не хочу жизнь с вечно согбенной спиной, по которой бесцеремонно будет бить немецкий кровожадный ефрейтор.

Нет, такая жизнь мне не нужна. Я от нее отказываюсь. Она чужда мне.

Лучше тысячу смертей, чем такая жизнь! Немца надо убить и спасти Россию!

Оля, возьми и прочти это письмо многим русским рабочим. Пусть они услышат голос юноши, отдавшего себя в защиту страны, в которой впервые в многовековой истории восторжествовала мудрость.

Будь счастлива и здорова, Оля! Не поминай плохим словом и надейся получить от меня не только письмо, но и нежный поцелуй.

Горячий, сердечный привет папе, маме и бабушке. Всем я им также желаю большого счастья. Пиши.

Ваш Михаил.

Ну а теперь мне хотелось бы предупредить нынешнего читателя, предупредить о том, чтобы он помнил, кем, где и когда писалось это письмо и другие письма, последовавшие за этим.

Писал я, мне было 23 года, я был политруком минометной роты, а потом и ее командиром. В роте моей было 110 бойцов. Строчки эти набрасывались на бумагу в начале августа 1942 года, в самый разгар боев в междуречье Дона и Волги, под Абганерово, уже не на дальних, а ближних подступах к Сталинграду.

После войны я дважды был в Германии, Восточной и Западной. И знаете, встречали меня более дружески немцы,

вернувшиеся из русского плена. В один голос они говорили мне одно и то же: русские кормили нас, принесших им столько бед, кормили лучше, чем себя. Сами-то они жили впроголодь.

Мои сталинградские треугольнички, бережно сохраненные удивительной женщиной, молчали без малого шесть десятков лет, а теперь заговорили вновь голосом давно минувшей войны. Послушаем же.

14 сентября 1942 г.

Оля, дорогая моя!

Хотелось бы побольше написать тебе, но борьба далеко еще не кончена, и я считаю преждевременным подводить какие бы то ни было итоги. Скажу только, что я сам едва ли верю в то, что это моя рука пишет тебе письмо. Трудно, пожалуй, совершенно невозможно представить себе всей тяжести нашей борьбы. Уже сотни раз смерть пыталась захватить меня в свои холодные объятья, но тщетно: я продолжаю жить и бороться. Трудно погасить во мне искру мщения. В качестве отчета приведу тебе цифры. Мое подразделение (все было засекречено настолько, что роту я называю подразделением. - М.А.) за время боевой деятельности уничтожило не менее 400 немецких солдат и офицеров, много техники. Интересует меня, Оля, каким ты представляешь меня сейчас? Все тем ли румянощеким юношей или каким-либо другим? Едва ли ты поверишь, моя дорогая, что несколько светлых волос серебрят мои виски, что в голубых и когда-то открытых глазах теперь неугасимо поблескивают злые огоньки, как у затравленного тигренка. Много горя принес мне немец. Много пережил я вместе с моей Родиной. Чувства обострились. Нет, в груди моей больше нет сердца раскаленный кусок металла бьется в груди моей.

Как и всякий фронтовик, я, пожалуй, потерял дар речи: я привык выражать свои чувства штыком, гранатой, бомбой...

Обо всем в свое время расскажу я тебе, Оля. А сейчас прости мне, я кончаю. Написал твоему папе письмо, не знаю получил ли он его.

Очень хотелось бы покушать яблок. Где наша Украина?

До свиданья.

С приветом - М. Алексеев.

Это мое письмо, как и некоторые другие, грешат малость

литературной патетикой, а написано оно тем не менее после тяжелейших боев под Абганерово, где моя рота понесла первые потери: погиб заместитель командира Сергей Гайдук и два бойца - Давискиба и Кучер. А при выходе из окружения в ночь с 29 на 30 августа потери эти оказались просто ужасающими: наша 29-я стрелковая дивизия вывела к Волге, к окраинам Сталинграда, менее трети своего состава. А в моей минометной роте (под Абганерово я был уже в ней и командиром, и политруком одновременно) из ста десяти солдат и офицеров уцелело что-то около сорока человек. Отсюда и вырывались из-под моего карандаша эти "холодные объятия смерти". Удивляюсь только, как им, этим "объятьям", удалось вырваться из чрезвычайно бдительных и цепких рук военной цензуры, однако ж вырвались и оказались в уральских горах в добрых, надежных руках девушки по имени Оля.

Ровно через пять дней из калмыцкого хутора Зеты отправилось к ней в Ирбит следующее письмо - почему-то без обязательного, казалось бы, эпитета "дорогая".

Оля!

Посылаю тебе фотокарточку. Может быть, она тебе не понравится, - это может быть, потому что в ней, в этой фотокарточке, скажем прямо, нет ничего достопримечательного. Для меня же она дороже любой, самой замечательной, фотокарточки, потому что я фотографировался (вернее, меня фотографировали) после жестокого боя и перед боем; потому что она, эта маленькая карточка, родилась в грохоте снарядов, в пыли, у разрушенного домика, в душной степи; потому что она дышит гарью великих сражений за нашу дорогую Родину; меня фотографировали, потому что в разгар сражений надо было мне вручить партийный билет, который бы лежал у сердца и все больше разжигал и ненависть к врагу, и постоянную веру в нашу победу. Пусть гимнастерка выцвела от солнца, прогорела горячим потом, пусть нет прически - пусть! Все это будет по возвращении с фронта.

Оля, ты не обижайся на меня. Другой фотокарточки у меня нет и быть не может сейчас, потому что в окопах, в степи нет фотографий, а в грохоте артиллерийской канонады фотограф нервничает. До свиданья.

Жду твоего драгоценного письма.

Привет папе, маме и бабушке.

Ваш Мих. Алексеев.

12.09.42 г.

А за день до этого, 11 сентября 1942 года, в дивизионной газете "Советский богатырь", в рубрике "Наши герои" был опубликован небольшой очерк обо мне. Газетную вырезку с этим материалом я выслал Ольге. Она переписала его в тетрадь своим изумительным почерком, сохранившимся у нее и по сей день. Первая страница тетради трогательно разрисована полевыми цветами.

Теперь эта тетрадь с очерком, другими письмами, а также фотоснимками Ольги (ее фото относится к 1941 году) и моим, сделанным по заданию политотдела дивизии Валентином Тихвинским, с коим впоследствии мы очень подружились, находятся у меня. К сожалению, Валя (так звали его все мы) не дожил до победы: погиб в Венгрии осенью 1944 года.

Ну, пока что заглянем в следующий, ждущий своей очереди небольшой листочек. Сверху, с правой его стороны, указана дата: 14 сентября 1942 г., но она вступает в противоречие с другой датой, которую, конечно же, заметят читатели при чтении письма.

Вот оно, это письмо:

Оля, дорогая моя!

Я получил твое маленькое письмецо, датированное 19.09.42 года, в котором ты выражаешь беспокойство по поводу отсутствия моих писем.

Скажу откровенно, на каждое твое письмо, в каких бы условиях я ни находился, я давал немедленно ответ. Но условия... вот эти самые условия, видимо, были причиной исчезновения моих писем. А эти условия были чертовски сложны, порою казались безнадежными, но о них я писал тебе в предыдущих письмах.

В предыдущем письме я тебе отправил маленькую фотокарточку, которую ты должна уже получить.

Сейчас у меня все в порядке. В сегодняшнем номере нашей фронтовой газеты напечатана моя большая статья о героях Отечественной войны.

Вот и все. Эту статью в следующем письме я тебе вышлю. (Тут я что-то попутал: в то время я мог напечататься разве что в "Советском богатыре", то есть в нашей дивизионной газете, а отнюдь не во фронтовой. - М.А.)

До свиданья.

Жду от тебя письмо и фотокарточку.

Привет папе, маме и бабушке, а также привет Нюсе.

Твой Мих. Алексеев.

Кто эта Нюся, я, право, не знал. Похоже, из новых подруг Оли. Больше меня озадачила и смутила собственная подпись: "Мих. Алексеев". Откуда явился этот "Мих"? Так обрубают пополам свои имена либо укорачивают их только писатели, да и то не все, а лишь хорошо известные. Шолохов, например. А я-то к чему присобачил к своей обыкновенной фамилии, уступающей, может быть, только Ивановым по их числу среди русских людей? "Ну и ну!" - удивился я, встретившись с этим совершенно неведомым мне и нелепым "Михом" среди присланных мне моих же писем. А уж не подписал ли я так статью, упомянутую в приведенном выше письме?! Ну да Бог с ним, этим самозваным "Михом"!

На очереди у нас с тобой, читатель, следующее в порядке живой как бы очереди письмо. Кажется, самое короткое из возвращенных Ольгой:

Здравствуй, милая Оля!

Я тебе посылаю маленькую статью, из которой ты узнаешь о человеке, которому я обязан своей жизнью и возможностью бороться дальше с фашистским зверьем.

До свиданья.

Иду сейчас в грозный бой.

Твой Михаил.

Привет папе, маме, бабушке и Нюсе.

17.09-42 г.

Как видите, к папе, маме, бабушке в нашей строго документированной эпистолярной повести прибавился еще один персонаж по имени Нюся, с которой я был совершенно незнаком ни тогда, ни сейчас А вот что касается человека, которому я действительно обязан своей жизнью (и не только один я, а еще несколько бойцов из моей минометной роты), - речь тут идет о Николае Сараеве. Это он при нашем выходе из окружения, встретившись почти вплотную с немецкой танкеткой, бросил под ее гусеницы связку из двух противотанковых гранат, уничтожил ее вместе с экипажем, нас спас ценою собственной жизни. Так думалось поначалу нам, спасенным. В последнюю минуту мы видели Николая, лежащего неподвижно перед горящей танкеткой в изодранной гимнастерке. А что было с ним потом, рассказывается в эпилоге романа "Мой Сталинград".

А вот - открытка. Первая, посланная из-под Сталинграда. Откуда она взялась? До нее я упаковывал свои окопные послания в треугольники, ставшие, как и наркомовские сто грамм,

постоянными палочками-выручалочками для фронтового люда. А тут - открытка. Скорее всего, она пришла ко мне вместе с ответными письмами от Ольги из далекого уральского городка Ирбита. От нее же я получил и несколько маленьких конвертиков, выпущенных где-то как бы специально для фронтовиков, коим недосуг писать длинные письма. Ежели у моих издателей окажется возможность воспроизвести образчик открытки-малютки, я бы попросил их сделать это.

Ну а вот и мое письмо, как раз, что называется, тютелька в тютельку уместившееся в открытке:

> Здравствуй, Оля!
>
> Отсутствием твоих писем ты заставляешь меня сильно обижаться на тебя. Поверь, Оля, очень обидно, сознавая то, что ты находишься на фронте в таком напряжении и все же находишь время писать письма, а на них нет ответа. Порою эти письма на фронт доставляются под градом пуль и снарядов: так дороги они бойцам!
>
> Только холодная душа не может понять этого. Это не к тебе относится, Оля! Но все же я обижаюсь на тебя крепко: разве ты не имеешь возможности писать почаще?
>
> Я привык к одиночеству. Я вырос один, без близких родных, и все-таки здесь я хочу получить весточку, очень хочу!
>
> Ну о себе сообщать нечего, все по-старому: три раза ранен, но легко, из строя не выходил ни разу. Вот и все. Желаю тебе, Оля, счастья и здоровья. Будь уверена во мне.
>
> Привет папе, маме и бабушке.
>
> С приветом - Михаил Алексеев.
>
> 12.10-42 г.

Грустновато-горький характер этого письма можно объяснить не только и не столько отсутствием писем от дорогого тебе человека, но, конечно же, положением нашим на фронте: именно в октябре 42-го немцы усилили свой натиск, отодвигая нас все ближе и ближе к берегам Волги, а в районе знаменитого сада Лапшина, столь часто упоминаемого в моем романе, уже вышли на ее западный берег, отделив друг от друга две армии - 62-ю генерала Василия Ивановича Чуйкова и нашу 64-ю, генерала Михаила Степановича Шумилова.

О помянутых в открытке моих ранениях более подробно рассказано мною в романе "Мой Сталинград".

В канун большого праздника пишу подружке моей:

Дорогая Оля!

Поздравляю тебя с днем 25-й годовщины Октябрьской Социалистической Революции!

У меня сейчас необычайное настроение. Хочется сказать так много, так сильно, чтобы выразить всю глубину и сложность своих чувств в столь торжественный для нашей Родины день.

Ты прости мне, Оля, обстоятельства не позволят написать тебе большое письмо. Сейчас нахожусь в пятидесяти метрах от немца и веду с ним такой разговор.

– Рус, хватит война! - кричит он мне.

– Что, фриц, надоело? - отвечаю и спрашиваю я.

– Рус, приходи к нам!

– Приду, приду обязательно, но только затем, чтобы убить тебя, вшивого!

Мой собеседник на некоторое время умолкает. В его сторону я пускаю длинную пулеметную очередь и сопровождаю ее словами:

– Фриц, ты жив?

Молчит.

Левее, метрах в ста от меня, слышу уже другого:

– Рус, идем кашу есть!

– Пошел ты на... - кто-то совершенно по-русски ответил ему.

И фриц умок. А я сел писать тебе это письмо. Как видишь, Оля, я жив и здоров. А это как будто нам обоим необходимо. Ведь что бы там ни было, а мы должны встретиться и окончательно оформить свою дружбу. Так ведь, пичужка ты моя? Мне очень хочется увидеть тебя, Оля, я очень жду от тебя письмо. Когда я читаю его, мне становится теплее и уютнее в окопе: нежные ласки подружки моей согревают за многие сотни километров.

Вот сейчас мне трудно сосредоточиться, и письмо выходит неуклюжим. Но ты поймешь меня и простишь мне это... Будут условия, напишу тебе большое, замечательное письмо! Между прочим, я в свободную минуту работаю над книгой, пишу повесть. Уже написана большая часть, но, конечно, не обработана. Некоторые отрывки из этой повести уже печатались в нашей фронтовой (читай: дивизионной. - М.А.) газете.

Как я работаю? Работаю примерно в сутки 24 часа. Днем иногда сижу в блиндаже и обрабатываю некоторые материалы, ночь провожу с бойцами, переползаю из

окопа в окоп и беседую с ними, вселяю в них бодрость и уверенность в победе. В схватках с врагом приходится частенько и самому ложиться за пулемет или наводить миномет в цель. Я теперь уже старший лейтенант.

Днем часика на два засыпаю блаженным сном.

Конечно, все это делается под аккомпанемент артиллерийской канонады, трескотни автоматов и пулеметов. Но мы к этому как-то привыкли - необычная тишина нас больше пугает и настораживает.

Но все это вместе называется тяжелой жизнью фронтовика.

Вот и все. До свидания, Оля. Пиши почаще. Если можешь, вышли фото.

Будь здорова и счастлива.

С приветом - твой Михаил Алексеев.

Привет от меня папе, маме, бабушке и Нюсе.

6.10-42.

Адрес мой: 1704 ППС часть 13. Алексееву.

К этому довольно пространному письму потребуется мне, нынешнему, сделать комментарий чуть более подробный, чем предыдущие. Начать хотя бы с того, откуда это взялся старший лейтенант Алексеев, когда большую часть времени под Сталинградом он был в звании младшего политрука. Верно, так оно и было, когда он, то есть я, был политруком минометной роты. И вдруг Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину пришла в голову мысль ликвидировать в нашей армии институт комиссаров и ввести в ней, армии, единоначалие. Политработники-то останутся, но они будут уже не комиссарами корпусов, дивизий, полков, батальонов, батарей, а заместителями по политчасти командиров; соответственно, то же самое должно было произойти и с политруками рот - они тоже сделались заместителями своих ротных командиров. Вроде понижение на одну ступеньку, а в воинском звании, вопреки, казалось бы, простой логике, получилось повышение более чем на ту же ступеньку для большинства ротных политруков, которых сталинская реформа захватила в самом нижнем звании, существовавшем для политработников, - младший политрук. Получилось так, что я был сразу же, в один миг, удостоен звания старшего лейтенанта. Но почему-то не остался в почти заново возрожденной моей минометной роте, а был избран, а точнее сказать- назначен ответственным секретарем комсомольского бюро 106-го стрелкового полка нашей 29-й стрелковой дивизии. В том же полку, в каком и пребывала и долго еще пребудет моя

полковая минометная рота. 82-миллиметровые минометы предназначаются для батальонов и поэтому называются на военном языке батальонными. Но одну такую роту по штатному расписанию выделяют отдельно в прямое подчинение командира полка, что составило предмет особой гордости для всех нас, оказавшихся как бы в привилегированном подразделении. Так я оказался нежданно-негаданно комсомольским богом полка, а подчинялся другому богу, рангом повыше. Это был Александр Крупецков, капитан, всеобщий наш любимец, коего все мы знали со дня формирования дивизии в Акмолинске и вот до этой сталинградской боевой страды. Должность его называлась: помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу. Для всех нас он как был Сашей, так и оставался сейчас. Что касается меня, то новая должность не удаляла меня от окопов, а скорее приближала к ним, поскольку мои подчиненные, мои комсомолята, обитали только на переднем крае, и нигде больше, со всеми вытекающими для них и для меня последствиями.

А что это за "последствия", рассказано в "Моем Сталинграде".

* * *

А это - самое длинное - письмо написано мною на шестой день нашего долгожданного контрнаступления под Сталинградом. Оно выглядит как развернутый свиток, коим пользовались древнейшие архивариусы. Сама желтая, тонкая бумага, неизвестно где и каким образом добытая мною, и буквы, написанные не то чернилами, не то карандашом, не то ни тем, ни другим, ни третьим, а черт его знает чем, могут указать на то, что человек, готовивший этот свиток, очень старался, чтобы он подходил к случаю... нет, не к случаю, а к историческому по сути своей событию. Речь ведь идет о начале решительного, коренного перелома не только в Отечественной, нашей то есть, а во всей Второй мировой войне. А письмо-то мое, похожее на свиток, адресовалось всего-навсего одной девятнадцатилетней девушке!

Дорогая Оля!

Получил твое письмо и, как всегда, был очень рад ему. Во-первых, разреши поблагодарить тебя за твою искреннюю заботу ко мне. Во всем, даже в оформлении самих писем, чувствуется эта забота. А сегодня я впервые получил от тебя большое письмо, на которое и спешу ответить тебе. Постараюсь написать побольше. И мне кажется, что это мое письмо будет немножко

необыкновенное, ибо всего, что я мыслю рассказать тебе, не уложишь в рамки обыкновенного письма.

Дело в том, дорогая моя, что отклики, которые поступили к тебе на мое августовское письмо, меня глубоко тронули и утвердили во мне самые лучшие чувства к нашим людям тыла, которым мы обязаны сегодняшними успехами на Сталинградском фронте. Передай им мое сердечное спасибо, этим неутомимым труженикам.

Оля, я трое суток не отдыхал, трое суток я в фанатическом напряжении. Но я не утомился. Какое право я имею утомляться, когда в нашу западню попался зверь, и его надо уничтожить. Трудно себе представить и тем более описать, с каким вдохновением воюют наши люди! Сегодня я видел много крови, черной фашистской крови.

Вот я остановился у трупа немецкого солдата. Лежит, оскалив зубы, с остекленевшими, бесцветными глазами. Кто он, этот солдат? Ганс? Роберт? Адольф? Нет! Он просто фриц! А фриц - не человек. Меня подергивает судорога омерзения: вот этот самый фриц, который сейчас лежит в отвратительной позе, мечтал пожрать Россию, этот плюгавый орангутанг считал себя сверхчеловеком! Сверхчеловек с огромной челюстью и низким лбом. Оно пришло, это немецкое ничтожество, построить "новый порядок". Мы узнали этот порядок - он нагадил нам и назвал это "новым порядком". И я гляжу на него, уже дохлого, и иронически думаю: вот эта гадкая козявка хотела сделать меня своим рабом. Глупый фриц! Он плохо знает нас. Да и где ему знать, узколобому! Он ведь не думал, что мы не захотим гнуть перед ним спину и слушать его обезьяний лепет. Ведь он не знал, что мы любим думать, а не орать, как он свое "Хайль Гитлер!". И вот теперь, когда в его плоскую жизнь вмешалась русская "катюша", фриц ошарашен. Он так и не успел догадаться, почему это так: его убили. А где-то далеко, в зловонной Гитлерии, живет его прожорливая самка. Она, дура, не знает, что ее самец уже вытянул свои арийские лапы под Сталинградом. Она еще требует от него посылок. Пусть требует: он больше ничего ей не пришлет... Не поможет ей и колченогий блудодей Геббельс: ведь его речами сыт не будешь. Скоро голодные гретхен огласят пустую "Фатерланд" истерическими воплями, и крикливому карлику не

заглушить этого рева своих жадных волчиц, они его проглотят вместе с его победными реляциями... мы же считаем своим долгом ускорить этот процесс. Кое-что мы уже сделали в этом направлении.

Мужайся, мой народ, мой славный, умный, честный народ: близок час расплаты с немецкими бандюгами за наше волнение, за слезы, за кровь наших людей - за все отомстим и уже мстим мы. Надо иметь черствое сердце, чтобы не отдать себя целиком этой величественной борьбе. Если ты человек, ты не можешь не представить себе всего народного горя, которое принес ему фашизм. Я мысленно иногда перекидываюсь в глухой украинский хуторок. Там, может быть, еще жив истерзанный ребенок, сын моего брата. И вот он, худенький, с тонкой шеей и большими, черными, не по-детски серьезными глазами, просыпается рано утром, трет грязненьким, сухим кулачком глаза и неизменно спрашивает: "А где папа?.." "Родненький, нет папы", - ответит мать и сама заплачет, заплачет, как ребенок.

Сколько детских слез пролито, сколько материнских сердец надорвано!..

Тысячи деток спрашивают: "Где мой папа?" Милые, невинные создания, поганый карлушка-колбасник искалечил ваше детство, он отнял у вас папу. Он, детки, зверь, он не поймет вашего горя, он не знает, что вам надо папу, а не его, поганого карлушку. Будь ты проклята, Германия, породившая на наше горе двуногих зверей!

Я вижу старушку мать, потерявшую сына, я понимаю ее горе: ее кровь погибла от руки незваного немца. Я вижу молодую женщину, потерявшую мужа, и мне также понятны ее слезы: ее кормильца убил немец.

Я вижу девушку в слезах, и мне понятны ее слезы: ее любимого, юного друга убил кровожадный карлушка-колбасник.

Вся Россия возненавидела немца. И вот сейчас она обрушилась всей своей тяжестью на него. И пусть я вижу кровь: она фашистская, а не человеческая.

Доконаем немца, и над нашей многострадальной Родиной на многие столетия воцарятся покой и царство разума и правды. И идя в светлое будущее, все вперед и вперед, к вершинам человеческого счастья, наш народ когда-нибудь вспомнит и о нас, положивших конец бессовестному фашизму.

Придет время, и возродится все: возвысится над Днепром, как символ непокорности, памятник Тарасу Шевченко, брызнут к небу фонтаны Петергофа, даст Украине свет и счастье Днепрогэс, и увидит счастливая белокурая девушка светлые глаза своего любимого... Хочется, хочется сказать просто по-божественному: "Мир дому сему!"

Это будет скоро, скоро будет это! Когда Россия снимет с плеча винтовку и скажет: "Ну, теперь - жить!" (И.Эренбург).

Оля, ты спрашиваешь, как мое здоровье. Скажу прямо, здоровье мое более чем прекрасное. И я очень рад, что мы всегда находим общий язык с моим многоуважаемым здоровьем. Я лично в данный момент вовсе не хочу болеть, и мое здоровье со мною соглашается. Кроме шуток, я очень хорошо себя чувствую. Одели и обули нас превосходно, вооружили тоже превосходно.

Алексей, брат мой, жив и здоров, чувствует себя не совсем хорошо: естественно, что ему жаль своей семьи (жена брата и двое маленьких детей остались в оккупации, в Сумской области, в том самом хуторке, помянутом мною в этом письме. - М.А.).

Ты прости мне, Оля, за это письмо: я и сам понимаю, что оно не совсем выдержанное во всех отношениях. Но ты поймешь меня.

На этом я заканчиваю писать. Передай мою искреннюю признательность Нюсе.

Привет папе, маме и бабушке.

До свиданья.

С приветом - твой Михаил.

25.11.42 года.

Комментарии, как говорится, излишни. К тому же они уже сделаны мною в начале предлинного письма, продиктованного мне при особых обстоятельствах, подогревших эмоциональный накал радости и гнева. Что касается гнева, могу сказать лишь одно. Будь я, двадцатитрехлетний парень, провидцем, который в сорок втором году неким чудом увидел, что будет в две тысячи втором, я, конечно, увернул бы пламя разгневанной души до разумного хотя бы уровня.

Нет, что было, то было. То, в общем, и написалось. И, вопреки пословице, не скоро быльем порастет. Нынешним нельзя подправлять и подстраивать историю на свой лад. История этого

не любит и порою жестоко мстит за это. Вот так.

На другой день после самого длинного письма отправляю самое короткое:

> Оля, еще раз здравствуй!
>
> Чтобы ты имела побольше сведений о своем друге, я высылаю тебе эту статью. Она расскажет о моей жизни и моих боевых делах.
>
> Твой Михаил.
>
> 26.11.42 года.

Что это за статья, кем написана, где опубликована - не знаю или не помню. Возможно, находится у Ольги. В недавнем звонке из Ужгорода она сказала, что часть моих писем и каких-то других материалов остается в ее собственном архиве.

1 декабря 1942 года посылаю еще письмо:

> Дорогая Оля!
>
> Получил от тебя письмо от 7 ноября 1942 года. Благодарю за то, что считаешься с моими мнениями.
>
> В своем письме ты вспомнила 12 сентября 1941 года, когда я был среди вашей семьи. Признаться, что я тоже очень часто вспоминаю те дни. Наше знакомство произошло в грозные дни, когда родная Украина уже истекала кровью, когда на лицах наших людей стояла печать глубокой скорби и обиды.
>
> Ты спрашиваешь, почему я тогда не разрешил тебе проводить себя подальше.
>
> Трудно сейчас ответить на этот вопрос. Вообще, Михаил Алексеев в своей жизни делал немало ошибок, и эта, мне кажется, была одной из моих ошибок, потому что (я чувствую это) я своей, может быть, непредусмотрительностью заставил тебя в течение целого года мучительно думать об этом вопросе.
>
> Но скажу прямо, что у меня тогда не было особых предвзятых намерений, и если я так поступил в то время, то только потому, что не желал тебя расстраивать, потому что через несколько минут я выехал на фронт. Возможно, это неубедительно, тогда я не смогу ответить точнее. Надеюсь, будущее покажет, что я не люблю обманывать своих друзей.
>
> Ты только прости мне, Оля, что так плохо пишу. Поверь, это все делается в окопе, в стесненных условиях. Мне иногда просто стыдно. Я от тебя получаю замечательные письма, а отвечаю коряво, грязно.

Ты спрашиваешь о моих ранах. От них и следа не осталось (следы-то, впрочем, остались и по сей день. - М.А.) Да это, в сущности, были не раны, а царапины.

Вот и все.

Пока до свиданья, родная!

Будем надеяться, что это свидание все-таки будет.

Привет от меня папе, маме, бабушке и Нюсе.

Будь счастлива.

Твой Михаил.

Постскриптум. Прости, забыл поблагодарить тебя, моя славная подружка за фото. Большое спасибо.

Оля, прошу прислать мне новый адрес твоего папы.

М. А.

В конце письма указана дата: 1 ноября 1942 года.

Следующее мое письмо, приводимое здесь, написано 2 января 1943 года:

Дорогая Оля!

Хоть и с опозданием, но разреши поздравить тебя с Новым, 1943 годом.

Опоздание - не моя вина. У нас здесь были горячие денечки: для поздравления фрицев с новым годом мы кое-что здесь делали... Уж прости...

От тебя уж давненько ничего нет. Почему это?

Сообщаю тебе свой новый адрес: 1704 ппс, часть 21. Алексееву М.Н.

Но ты за меня не беспокойся: посланные тобой письма по старому адресу до меня дошли.

Будь здорова.

Привет папе, маме, бабушке и Нюсе.

С приветом твой М.А.

Что же, однако, означают "горячие денечки", помянутые мною как бы мимоходом в этом коротком письме? Безусловно, имелась в виду наша подготовка к решительному штурму окруженного врага и окончательному его разгрому под Сталинградом. Этого требовал все с большей настойчивостью Сталин от Рокоссовского и Воронова. Особенно после того, когда Паулюс отказался от предложенной ему капитуляции.

Штурм, как известно, начался ранним утром 10 января 1943 года. К этому времени я уже был переведен в артиллерийскую штабную батарею командующего всей артиллерией дивизии полковника Николая Николаевича Павлова.

Более подробно обо всем этом рассказано в романе "Мой

Сталинград".

И наконец, еще об одном письме: оно, кажется, последнее, написанное мною и направленное на Урал, в Ирбит, 17 января 1943 года:

> Запомни, дорогая Оля, этот день. Числа 20 января радио известит вас о великих успехах наших войск. Борьба на нашем участке фронта достигла кульминационного пункта.
>
> Враг здесь будет на днях (подчеркнуто мною. - М. А.) повержен!
>
> Пишу я тебе письмо в суровый мороз, на дороге нашего наступления. Возможно, у меня будет когда-нибудь время описать тебе эти героические дни.
>
> Вот сейчас мимо меня партию за партией гонят пленных немцев.
>
> Это - ходячая смерть. Возмущенная Россия мстит!
>
> А по полю, куда ни глянь - всюду трупы, трупы врага... И невольно вспоминаются слова из известной пушкинской поэмы:
>
> О поле, поле, кто тебя
> Усеял мертвыми костями?
>
> Трудна и тяжка наша борьба: она требует невероятных моральных и физических усилий человека. Но зато и величественна эта борьба.
>
> Да, Оля, это точно - защитники Сталинграда творят чудеса.
>
> Мы ведем здесь поистине уничтожающую, истребительную войну. Мы жестоко мстим немцам за лето 1942 года.
>
> Разрушенный Сталинград воспрянул и тысячами хоронит немцев в своих холодных приволжских степях. Оля, сейчас мы непрерывно движемся вперед, даже нет возможности получить на ППС твои письма, а их, наверное, уже накопилось много.
>
> Иногда, Оля, приходится переносить нечеловеческие трудности. Ты только представь себе: с 14 июля 1942 года мне ни разу не пришлось отдохнуть в какой-либо хате: все окопы да блиндажи... И все-таки сознание благородной борьбы вливает новые силы, способные перебороть все невзгоды.
>
> Ты, Оля, конечно, замечаешь безобразие в моем

почерке и содержании написанного. Прошу прощения, руки коченеют. Подумать нет времени. Пишу все, что приходит в голову.

Пишу тебе это письмо на немецкой бумаге и высылаю тебе в немецком конверте. Можешь не беспокоиться: она была упакована, и лапа немецкого солдата не прикасалась к ней.

Пиши мне по адресу: 1704 ППС, часть 21. Алексееву М.Н.

До свиданья, голубка! Будь здорова и счастлива. Жду новый адрес от папы. Привет ему, маме, бабушке и Нюсе. Алексей (брат мой. - М.А.) шлет вам большой привет. Он жив, здоров, бьет немцев.

С приветом - твой М.Алексеев.

Глава вторая
Письма из Ужгорода

У читателей неизбежно возникнет вопрос: а где же ответные письма Ольги Кондрашенко времен Сталинграда? Они же были, и было их много, очень даже много. Где ж они?

Сгорели. Сгорели и в буквальном, и в переносном смысле в войне, которая после кровопролитных сражений на Волге продолжалась еще более двух лет. Это ведь я сам как-то умудрился, да и то с Божьей помощью, остаться живым и не сгореть вместе с письмами, которые приходили ко мне в окопы Сталинграда. Зато в послевоенное время, да и то в несколько самых последних лет, переписка возобновилась и продолжается с ускорением. По понятным всем, как я надеюсь, причинам...

Только теперь письма ко мне приходят из Ужгорода, а от меня к ней, Ольге Николаевне Кондрашенко, - из Москвы.

Вот одно из таких писем Ольга Николаевна начала писать 7 октября 1998 года, а закончила 21 октября. Трудилась над этим "посланием", как она сейчас называет свои длинные письма, целых, как вы видите, четырнадцать дней.

Я привожу его полностью, потому что удивительная эта женщина заслуживает того, чтобы о ней узнало как можно большее число моих современников. Наберитесь терпения, добрые люди, и прочтите:

> Мишенька, здравствуй, дорогой!
>
> Мне трудно подобрать слова, которые могли бы выразить тебе мою признательность и благодарность за присланное: и твое произведение "Мой Сталинград", и, конечно, письмо - такое сердечное и доброе. От всей души благодарю тебя, друг мой славный, что откликнулся на мое скорбное послание, поддержал в столь тяжкое для меня время, - спасибо, родной (речь идет о смерти ее матери.- М.А.) Я, безусловно, не могла удержаться от слез, но это были слезы радости, которую ты принес мне, прислав мне письмо и свою книгу (пусть даже в журнальном варианте, от этого ценность ее не уменьшается).
>
> Что-то я никак не могу сосредоточиться над письмом-ответом, видимо, полученная мною твоя бандероль выбила меня из колеи. Слишком много воспоминаний и переживаний навеяла она,

взбудоражила мою память, всколыхнула чувства, отбросила на много лет назад, хотя и на протяжении всей своей жизни никогда и ни при каких обстоятельствах не забывала тебя, дорогой Миша, - моя какая-то необыкновенная и очень трудная любовь! (По всей вероятности, она и не бывает легкой, если, конечно, настоящая.)

Теперь я должна сердечно поблагодарить тебя, друг мой, что ты все же вспомнил обо мне в своем произведении, применив превосходную степень в описании моей личности, подчеркнув мою верность и преданность тебе, поставив мне в заслуги поддержание, как ты образно выражаешься, светильника, благодаря которому не погасла наша прекрасная дружба... А свои самодельные тетради, которые с любовью оформляла, разрисовывала в Ирбите, - моя фантазия: любила рисовать.

Папа хорошо рисовал, у нас были его картины, но бесконечные переезды с завода на завод (был такой период), привели к их потере, особенно когда во время войны пришлось эвакуироваться и все оставлять вообще, взяв с собой только самое необходимое. Ты просил сохранить общие тетради, в которых была написана твоя повесть "Крестьяне". Я упаковала их в маленький чемоданчик, а свои альбомчики с фотографиями артистов уложила в портфельчик (школьный мой), однако против взятия альбомов стали родители, они возражали, чтобы брать таковые в дорогу. Но здесь ты, Миша, принял мою сторону, сказав такую фразу: "Я бы даже в бой взял их!" И вопрос был решен в мою пользу, мама и папа согласились с твоим мнением (ты был для них авторитетом, они ведь очень любили тебя). После этого чемоданчик и портфельчик были связаны мною веревочкой вместе, и, когда объявлялась воздушная тревога, я хватала мои сокровища и забиралась с ними в убежище. Позже они поехали с нами в далекий и опасный путь...

13 сентября 1941 года мы распрощались с тобой, когда ты прибежал ненадолго домой сказать, чтобы немедленно покинули город, ибо немцы совсем уже близко... На заводе нам выделили лошадь (на две семьи) по кличке Невдалый (он вполне оправдывал ее, но службу нам сослужил) и на рассвете 14 сентября 1941 года нами были покинуты Сумы. Положив на подводу

свой скарб, весьма незначительный, конечно, двинулись в путь пешком, пройдя в первый день 35 км; труднее всего было бабушке моей, поэтому время от времени ее усаживали на подводу. К вечеру добрались до Краснополья или Белополья (сейчас уже точно не помню), остановились в хате, в которой появились еще и военные (какие-то летчики), и нас уже стало там полным-полно. Через некоторое время добрались до Белгорода, который порядочно бомбили. Когда подали эшелон, началась суматоха, давка, паника; толпа резко оттолкнула от нас бабушку, которая затерялась в ней. Мы остались, дав объявление по радио, но безуспешно, бабушка исчезла - как позже стало известно, уехала этим эшелоном. Нас же все случившееся задержало на два-три дня в Белгороде, пока не появилась возможность двинуться в дальнейший путь. Колесили долго: покидая прифронтовую полосу, вновь в нее попадали, так как надо было освобождать пути для более важных составов. На восток везли раненых, навстречу им и нам шли эшелоны на запад с оружием, боеприпасами, с будущими фронтовиками - такими милыми и дорогими. Они подходили к нашему сборному поезду, на платформах которого были и самолеты, разбитые, видимо; на некоторых была пшеница - все это сопровождали какие-то военные. Ребята, ехавшие на фронт, подкармливали нас, говоря нам: вы оттуда, а мы туда!.. Сердце обливалось кровью от всего происходящего.

Наконец двинулись дальше, доехав до станции Приколотная, остановились, ибо появился немецкий самолет и сбросил две бомбы, которые, к счастью, не разорвались. Тогда с бреющего полета летчик стал строчить по вагонам из пулемета, кое-кто выпрыгнул на землю, он переключился на выскочивших из вагонов (наша семья оставалась на месте, решив: что будет, то и будет). Были раненые и убитые. Крик матери, державшей на руках убитую девочку лет трех-четырех и кричавшей: "Я же ехала, чтобы спасти тебя!" Запомнилась и девушка, тяжело раненная в бедро. С нами были индивидуальные пакеты, которые отдали, конечно, на перевязки пострадавшим.

Бомбы оказались, когда их обезвреживали, набиты песком, и в них были обнаружены записки на русском языке: "Чем сможем, тем поможем". Двинулись снова, доехав до Купянска, вновь остановились. Вокзал был

полностью разбит. К эшелону подошли какие-то люди и сказали: "Чего вы стоите? Только недавно здесь бомбили поезд с эвакуированными. Убитых схоронили в большой братской могиле!.." Но как-то Бог миловал, и мы отправились дальше, медленно, с частыми остановками, добрались до Саратова, куда должен быть эвакуирован Сумской ликероводочный завод (с этого-то завода и ушел на фронт мой брат Алексей.- М.А.), но там уже были стекла в окнах заклеены бумажными лентами, ожидался, по всей вероятности, налет вражеских самолетов, поэтому поехали в направлении города Свердловска, куда нам был дан эвакуацион-лист. С нами были адреса твоих родных, написанные тобою перед нашим отъездом из Сум. В своем письме, Миша, ты отмечаешь достоинства моего почерка, его красоту (он многим нравится), но пишу я не быстро (это уже минус), а вот твой почерк был и красив, ложился на бумагу быстро и четко (не думай, что у меня, как в известной басне И.А. Крылова, кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку, - нет, дорогой мой, это правдивое и справедливое мое мнение: кстати, в данном конверте, как вещественное доказательство, высылаю тебе на память подлинную эту бумажку, а у меня остается копия, отснятая уже давненько).

А что стоили твои письма, присланные мне с фронта! Они были безупречны по содержанию и написаны почерком, заслуживающим похвалы, а если учесть еще и тот ад кромешный, в котором рождались эти строчки, то это просто чудо, друг мой сердечный.

Путь наш до Свердловска оказался долгим, утомительным. Наконец добрались, там мы смогли привести себя в надлежащий порядок, немного отдохнуть у своих друзей довоенных лет.

Папу приняли на работу в трест, который объединял спиртоводочную промышленность, буквально через несколько дней (трест этот) оказался в г. Ирбите, куда уже в огромном количестве съехались эвакуированные из Москвы и Ленинграда, начался монтаж заводов, школы переоборудовались под эвакогоспитали. Подходил к концу 1941 год, кое-как расквартировали массу приехавших, и нам выделили половину комнаты в доме по улице Первомайской, дом 23, куда на протяжении всех военных лет ты, мой милый, писал мне свои письма и стихи, позже присылал свои статьи из газет, которые, к

сожалению, не все до меня доходили (да и весточки - тоже)... Дом был битком набит: здесь находились и хозяева законных своих квартир, и приезжие, проживающие временно, пока не придет возможность вернуться в родные края. Жили дружно, в тесноте да, как говорится, не в обиде, все трудились день и ночь, почти без выходных и праздников, под лозунгом: "Все для фронта, все для победы!" Делились друг с другом всем, никаких оплат за жилье не существовало, нападений друг на друга не было, грабителей тоже, а тем более - убийств, все были едины в одном желании оказать помощь и поддержку нашим дорогим защитникам - фронтовикам.

Мы с мамой определились на работу в ирбитский учлесхоз, находившийся на территории Гавани, где сплавлялся лес; там я в начале 1942 года встретилась и познакомилась с Фрумой (она в 1944 году писала тебе), позже присоединилась к нам Рита, работавшая в леспромхозе (Маргарита Соломина, между прочим, двоюродная сестра артистов Юрия и Виталия - ихние отцы были родными братьями). У нас троих началась большая и верная дружба, длившаяся многие годы (когда-то, шутя, применили к нам название "святая троица"; к великому сожалению, Риты, Маргариты Сергеевны, уже несколько лет нет в живых).

В учлесхозе проработали с мамой месяца три всего, потом мама устроилась работать на водочный, а я на химико-фармацевтический завод № 38 - это была часть огромного завода "Акрихин", эвакуированного из Москвы.

Временно оба завода находились на одной территории, но спустя некоторое время водочный был переведен в другое место - "Госхимармзавод" стал разрастаться, вводя в действие все новые и новые цеха. Производство было очень вредным, отработанные газы погубили вокруг всю растительность, в помещениях стояла дымовая завеса, особенно когда проходила загрузка сырья, в цехе пантоцида, например, работать приходилось даже в противогазе. Я работала в бухгалтерии. Она, вместе с конструкторским бюро и другими отделами, находилась на втором этаже над цехами, вырабатывавшими сульфидин. Вот в момент загрузки аммиака дышать было очень тяжело, еще и глаза слезились, а производство работало

круглосуточно. Меня спасало то, что время от времени отправлялась в центр города с заданиями: получение зарплаты для коллектива в госбанке и там же сдача платежных поручений, на почтамте переводы. А вызвано это было тем, что кассир - женщина хотя еще и довольно молодая, но больная, не могла преодолевать большие расстояния, не позволяло сердце, а я была среди работающих в бухгалтерии самая молодая - бегогонная, вот и выполняла эти задания, носясь по учреждениям со своим портфельчиком (уже знакомым тебе по моим описаниям выше), а в период получения денег присоединяла еще и чемоданчик (тоже знакомый). Однажды со мной приключилась (в момент получения зарплаты для завода) большая беда, но о ней в следующий раз... И так уж много написала, утомила, наверно, тебя, Мишенька, своей писаниной.

Однако хочу еще в этом письме написать о том, что в начале февраля 1942 года папу призвали в армию и мы с мамой остались вдвоем, бабушки с нами тогда еще не было, она объявилась уже потом, оказалось, что намного раньше нас приехала в Свердловск, найдя наших друзей. Каждый день отправлялась на вокзал в надежде встретиться с нами, но однажды не вернулась и, как позднее выяснилось, очень заболела и прямо с вокзала попала в больницу, а выздоровев, была направлена в какой-то колхоз, где добросовестно работала, став даже стахановкой.

Папа служил недалеко от Ирбита: станция Монетная, разъезд Кедровка, п/я №3, по этому адресу ты, Миша, как-то писал папочке. Благодаря близкому расстоянию иногда удавалось встретиться с папой: то он приезжал к нам, то мамочка ездила к нему, а его командиры довольно часто навещали нас с мамой, приезжая по делам в Ирбит, но это уже особая тема. Может быть, тебе неинтересно, конечно, описание жизни нашей тех далеких лет, но если бы, друг мой, нам удавалось встречаться с тобой чаще в послевоенные годы, я могла бы все это рассказать при встречах, однако этого не получалось, поэтому я пишу теперь. Небось думаешь: ну вот, объявился на мою голову еще один "писатель" со своими мемуарами!..

Считаю также своим долгом поблагодарить тебя, Мишенька, за столь высокую оценку моих умственных способностей, - спасибо, дорогой. Попутно вспомнила

доброго, умного и преданного нашей семье друга (папиного ровесника), очень веселого, знавшего меня с детства, который говорил мне: "Ты, Лялечка, умница - это кошка дура!" После войны он приезжал к нам в Сумы, потом - в Ужгород. Сокрушался, что не удалась, не сложилась, как следовало бы, моя личная жизнь... В 1963 году посылала ему в Харьков, где проживал он со своей семьей, подарок- твой "Вишневый омут", высоко оценил он эту твою книгу (у меня хранится его отзыв, написанный в письме). Из жизни Илья Юрьевич ушел еще раньше папы.

Хочу коснуться нашего с тобой несчастья: нами потеряны очень близкие, родные люди, мы действительно осиротели. Анастасия Николаевна (моя старшая сестра. - М.А.) любила тебя всей своей доброй, ласковой душой. Если бы ты знал, как она радовалась каждому твоему (к сожалению, и редкому, и слишком короткому по времени) приезду. Сообщая в своем послании о твоем посещении, всегда писала: "А у меня был мой дорогой, любимый еще братик, братец!" Мы, конечно, радовались вместе с нею (в какой-то степени - встречался и с нами), посещая Анастасию Николаевну, ее родных и близких.

24 октября исполнится уже полгода, как ушла из жизни мама (время летит быстро!), а в памяти и душе ощущается очень острая горечь пережитого - боль непроходящая...

Миша! Тебе передает привет Михаил Петрович Ганус, встречавшийся с тобою в редакции журнала "Москва" 2 сентября 1985 года, когда ты в память о встрече с ним подписал ему своих "Драчунов", а мне "Карюху" с "Драчунами" вместе. Время от времени он навещает меня: был на похоронах мамы, также на поминках, 21 июля, в числе других моих друзей, поздравлял с днем моего рождения (всегда преподносил мне чудесные цветы). В одном из подарков была вложена открытка моей приятельницы, коллеги в прошлом, в которой написаны следующие строчки: "Мне радостно вспоминать годы совместной работы в "Гипрограде" и постоянное духовное общение с Вами. В своем архиве Вы несли каждому лучик заботы, любви и внимания. Спасибо, родная, за все". Где-то больше десяти лет я была зав. техническим архивом и, естественно, общалась со всем большим коллективом нашего института. Вот

так, Мишенька, у тебя я поддерживала светильничек, здесь несла лучик - в общем, старалась всегда делать доброе, уважать и любить людей...

Однако пора и честь знать. наверное, утомила тебя (я то пишу в несколько приемов, а тебе придется читать в один).

В данном конверте высылаю еще и фотокарточку, теперь уже очень давней поры. Это снимок из общей фотографии, пусть он напомнит тебе, мой милый, о той прекрасной юности, когда произошла наша встреча... И нашла старые бумаги, связанные с ответом на твое заявление, и правила поступления в немецкий государственный педагогический институт - гор. Энгельс на Волге, может быть, тебе будет интересно их прочесть.

Пожалуйста, Мишенька, не оставляй меня без внимания, мне так нужна твоя моральная поддержка, прошу тебя - поддержи и ты наш многолетний "светильник"...

Просьба передать мою благодарность тем, кто передал тебе мое письмо, большое им спасибо и добрые пожелания в жизни. Сообщаю, друг мой, номер своего телефона: 4-34-33. Когда-то нам звонили из Москвы: 8-031 и т. д. Постарайся и ты позвонить мне, ибо в настоящее время я просто не располагаю такой возможностью - затруднения в финансовом отношении, может, в будущем позвоню, а пока - извини, не могу.

Книгу твою "Мой Сталинград" читаю со слезами; конечно же, некоторые строки - с улыбкой, где встречаюсь с присущим тебе юмором. Я твой читатель необыкновенный, вникающий буквально в каждое твое слово, кроме того, чувствующий всегда присутствие рядом самого автора, его близость...

Прими мое сердечное поздравление с успешным завершением колоссального труда над этим романом, который стоил тебе, мой родной, безусловно, много сил и здоровья.

Твою бандероль получила 24.09.98 г. Прости, что задержалась с ответом, но причин, весьма уважительных, хватает...

Наконец, кажется, все. Желаю долгих лет жизни в добром здоровье и благополучии.

Обнимаю, целую и я тебя, Миша. Пиши.

Ольга.

21.10.98 г.

Вот так, уважаемые мои читатели, через это почти что исповедальное письмо я только и смог наконец познакомить вас с человеком, сохранившим все (до единого!) мои письма, написанные в окопах Сталинграда шестьдесят лет назад.

Приведенное же здесь письмо Ольга Николаевна писала, когда работа над романом "Мой Сталинград" продолжалась и она успела прочесть лишь первую его часть.

* * *

Уже начав работу над новым своим автобиографическим романом "Оккупанты", я вдруг понял, что как бы ни старался уйти от прежних моих героев, в какие бы дали ни уводили меня другие дороги от них, но Сталинград-то не отпустит от себя, он пребудет со мною постоянно. Ибо он во мне, а я - в нем. И это уже навсегда. Оказалось, однако, что не только во мне одном он остался навсегда, Сталинград, но и в другом человеке, который пишет мне и по сей день из Ужгорода, то есть из так называемого ближнего зарубежья, куда мой адресат угодил по недоброй воле соловьев-разбойников Беловежской пущи. Поскольку и в этих письмах Сталинград не только присутствует, но и живет и властно, порою очень больно тревожит и даже терзает душу, перекликаясь с нынешним нашим окаянным временем (прошу читателей простить мне это заимствование у Бунина).

Вся вторая глава составится целиком из писем Ольги Николаевны Кондрашенко - этой изумительной женщины, "подруги дней моих суровых". Мои вторжения в ее размышления будут редки и минимальны.

Итак, с вашего разрешения, дорогой мой друг-читатель, передаю слово Ольге Николаевне.

Ужгород, июнь 2001 года.
Вечная память и честь погибшим,
народная любовь - героям живым!
Газета "Товарищ", 2001 год
Миша, дорогой, здравствуй!

Подошла незабываемая дата: шестидесятилетие начала Великой Отечественной войны - время трагических и героических дней и ночей!

Хорошо помнится 22 июня 1941 года. Воскресенье. Папа и мама ушли на базар за покупками, а мы с бабушкой остались дома. И вдруг по радио объявили, что будет передано важное правительственное сообщение.

Зазвучал голос В.М. Молотова и его страшные слова, возвестившие о нападении Германии на Советский Союз, о начале войны и врезавшиеся в память: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!" Этого забыть нельзя, невозможно оно незабываемо в течение всей жизни...

Таким образом, и у нас с тобой, друг мой, год 2001-й замечательный шестьдесят лет со времени нашей встречи, нашего сближения, связанные с этим дальнейшие взаимоотношения, уготованные судьбою. Здесь и радости, и горести, но была суждена нам жизнь, а это уже счастье, хотя, конечно, и омраченное всякими переживаниями.

В данном конверте высылаю три письма 1942 года - в них ярко отображены тобою события той ужасной поры, которые еще и теперь, спустя десятилетия, ранят душу, заставляют учащенно биться сердце и удивляться стойкости, мужеству, выносливости людей, находившихся на поле брани, в этом кромешном аду; и безусловно, поражаться тому, как в этих невероятных условиях ты мог писать столь толковые письма, отражающие кошмар происходящего...

Честь и слава тебе за это, Мишенька!

Я всегда гордилась тобою, преклонялась перед твоей выдержкой и умением находить в себе силы писать в труднейших условиях того страшнейшего времени, когда каждую минуту поджидала смерть... Я рада, милый мой, что судьба пощадила тебя, что ты вышел победителем из этой смертельной схватки - и столько сделал доброго людям своим талантом. Вот только судьбе было не угодно, чтобы мы были вместе, как написано в твоем письме от 4 июля 1942 года: "В противоположность нашей первой встрече, мы встретимся с тобой в счастливый и радостный день триумфального счастья, озаренный ярким солнцем счастья. И мы с тобой уверенно и гордо пойдем вместе по освобожденной украинской земле". Зато дружбой многолетней она нас не обошла, а это ведь чувство тоже великое, ценное. Невольно вспомнились слова из песни довоенных лет под названием "Дружба" в исполнении известного эстрадного певца В.А. Козина: "Мы так близки, что слов не нужно, чтоб повторять друг другу вновь, что наша нежность и наша дружба сильнее смерти и больше, чем любовь". И все-таки чувство настоящей, искренней любви

превыше всего - она способна творить чудеса...

Далее строки уже из другого твоего письма, а именно от 7 сентября 1942 года: "Интересует меня, Оля, каким ты представляешь меня сейчас? Все тем же румянощеким юношей или каким-либо другим? Едва ли ты поверишь, моя дорогая, что несколько светлых волос серебрят мои виски, что в голубых и когда-то открытых глазах теперь неугасимо поблескивают злые огоньки, как у затравленного тигренка". Конечно, я представляла тебя таким, каким ты, Миша, был перед уходом на фронт. И еще в этом же письме: "Очень бы хотелось покушать яблок. Где наша Украина?" Хорошо помню твою тягу к яблокам, даже к зеленым и кислым. Вспомнилось мне, как при встрече в Чопе мы вдвоем ели с тобой яблоко (одно из привезенных тебе из Ужгорода из нашего сада). А как теперь, Мишенька? Все так же любишь? Думаю, что - да.

Итак, прошла не только последняя декада июня, но и весь июль, который принес мне немало хлопот и волнений, связанных с моим днем рождения именинами (24 июля, день Ольги, о котором на Украине много говорят по радио, связывая его с княгиней Ольгой). Где-то с 17-го числа уже начали приходить и поздравлять меня; затянулось все это до начала августа, однако главная причина в моем состоянии здоровья, которое частенько огорчает, поэтому, к сожалению, я не всегда могу писать, сосредоточиться над письмом. Таким образом, наступила и моя очередь просить у тебя прощения за мою неаккуратность, Миша. Понимаю, что ты ждешь, может быть, уж не так моих писем, как тех, написанных более полувека назад, в которых ярко и правдиво отражены события Великой Отечественной...

И вот передо мной твое письмо от 12 сентября 1942 года (всегда, конечно, желанное), да еще и с фотокарточкой. Удивляюсь, как ты, дорогой мой, мог даже подумать, что присланное тобою фото могло мне не понравиться, - ведь оно было для меня (и теперь остается) самым драгоценным подарком.

Спустя многие годы, уже когда я работала в Закарпатском филиале "Гипрограда", мой сослуживец в фотолаборатории нашего института переснял и увеличил две твои фотографии, подаренные мне в разные периоды времени, которые и посылаю тебе на память в данном послании, а также фото 1948 года, где я

со своей подругой перед отъездом из Сум в Ужгород.

В конверт этот вкладываю открытку - обращение к ветеранам ЦК компартии Украины (мне подарили, но я решила выслать тебе, а себе оставить отснятую копию), а также еще ксерокопию стихотворения, написанного мне ко дню рождения. Не суди, пожалуйста, строго - написано оно ведь не профессионалом, поэтому примитивно весьма, однако искренне, от всей души...

Хочется узнать о твоей поездке в Иркутск - видимо, массу впечатлений оставила она у тебя, Миша. Очень печальным было сообщение о катастрофе пассажирского самолета, которое настораживало и тревожило.

28 июля, разговаривая со мной по телефону, бывшая моя коллега сказала, что 21 июля 2001 года (как раз в день моего рождения) видела твое выступление по телевизору и еще других выступающих, - речь шла о кинофильме "Тихий Дон"... Как хотелось бы увидеть и мне тебя, мой друг, но теперь такая масса каналов и нужны особые антенны, чтобы увидеть российские передачи, ну а мой телевизор вообще не работает.

Заканчиваю, Мишенька, свое послание 12 августа 2001 года - подтверди, пожалуйста, получение. Продолжаю ждать обещанную тобою бандероль с книгой "Рыжонку" в паре с "Карюхой" и журнал о тебе и твоей даче... Успешных трудовых будней в добром здравии, благополучии желаю от всей души! Целую.

Ольга.

П.С. 9 августа 2001 года в автокатастрофе погиб украинский писатель-драматург Стельмах Ярослав Михайлович - сын Михаила Стельмаха, твоего соратника по перу. Вот еще какая нелепая, трагическая смерть может настигнуть человека.

С выдающимся украинским писателем Михаилом Стельмахом меня связывала многолетняя дружба. И Ольга об этом знала.

* * *

Ужгород, 3 августа 1998 года.

Дорогой Миша, здравствуй!

Не могу, чтобы не написать тебе и не сообщить о постигшем меня огромном горе - кончине моей дорогой и любимой мамы. Умерла она 24 апреля, около шести

часов вечера; попросила еще попить, я ей принесла чайку с лимоном. С большим трудом (с моей помощью, конечно) приподнялась на постели, выпив несколько глотков, стала падать. Я обратилась к ней: "Мамуленька, скажи мне хоть слово! На кого же ты покидаешь меня, родненькая?" Но мамочка моя замолчала навеки... Поняв, что случилось уже непоправимое, позвала соседей по дому (а до этого старалась никогда и никого не тревожить), они, кстати, находились во дворе, - им-то мы с мамой в 1995 году подписали дарственную на нашу квартиру. Сосед вызвал "скорую", чтобы констатировать смерть. Приехавшая врач составила направление в морг, а часа через два специальная машина увезла мою мамочку от меня уже навсегда...

Очень много лет мама тяжело болела, пятнадцать лет была незрячей, но со мной была родная душа, преданный и верный друг, который никогда бы не подвел и не предал. Я всегда старалась быть сдержанной, внимательной и ласковой. Последние года четыре никуда не ходила, даже поблизости, не оставляла ее одну, понимая, как ей тяжело. Мама очень жалела меня, прикладывала все усилия, чтобы облегчить мою далеко не завидную участь, тревожилась постоянно за мое здоровье, которое было тоже ненадежным...

В последний период времени у мамы резко ухудшилось состояние здоровья: примерно за два года перенесла она три воспаления легких (вводили антибиотики в уколах, давали таблетки), позже заметно стало сдавать сердце, началась отечность... И вот организм в конце концов не выдержал...

Похоронили маму 28 апреля, гроб опустили в могилу к папочке (мама всегда просила об этом, а тем более прошло много лет со дня захоронения папы), таким образом, осталось место и для меня, чтобы лежать нам там всем вместе...

Вот так, Мишенька, из семьи в семь человек, проживающей в Ужгороде, осталась я одна-одинешенька... И вот теперь уже нет никого в живых, кроме меня, и мне страшно одиноко и тоскливо...

Прости, пожалуйста, друг мой, за столь печальное послание, но я не могу иначе...

А сейчас все же перехожу на другую тему. В октябре исполнится девять лет, как мы с тобой разговаривали по телефону, - это немалый срок. Помню, что попросила

тебя прислать мне твое собрание сочинений в восьми томах (всю жизнь "попрошайничаю"; если не книги твои, то письма, поздравления или прошу о твоем приезде, о телефонном разговоре), на что ты мне ответил: "никуда от тебя это не денется". А вот делось, да еще как! За этот период времени мы оказались с тобой, к великому сожалению, даже в разных государствах, что привело к определенным сложностям...

Случайно обнаружила в книге С.М. Борзунова о тебе, которая в свое время была мне подарена, небольшую бумажку, на ней мною были записаны две даты отправки тебе поздравлений: 18/4-90 г. - с Первомаем и 24/1 - с Днем Победы. Ответа на них не пришло. Замолчала и я, а ты, Миша, тем более, для тебя такое было в порядке вещей...

Я всегда понимала твою непомерную занятость и огромную умственную перегрузку, предельное напряжение нервной системы, но тем не менее ждала всегда и надеялась на твои весточки, на присылку твоих произведений, в которых очень нуждалась...

Вот и теперь, узнав о том, что вышел в свет твой новый роман (твоя главная книга) о Сталинградской битве, и не имея возможности приобрести таковую в Ужгороде, прошу тебя, дорогой Миша, прислать мне ее - буду весьма признательна и очень благодарна тебе.

Сильно пережила, да еще и в настоящее время переживаю смерть Анастасии Николаевны. (Моя старшая сестра умерла в г. Энгельсе на 92-м году жизни, в 1997 году, похоронена в том же городе. - М.А.) Какой-то период времени старалась скрыть от мамы эту скорбную новость, не хотела ее лишний раз расстраивать, однако позже пришлось сказать, тогда уж горевали вместе, Анастасия Николаевна была для нас близким и дорогим человеком, отношения между нами сложились просто, можно сказать, родственные.

Вынуждена адресовать тебе это свое послание в редакцию журнала "Роман-газета"; надеюсь, что данное твое произведение, как и все предыдущие, пройдет через "Роман-газету", ты здесь известный, свой, как говорится, человек, и мое письмо попадет в твои руки.

Продолжительное время писала тебе, когда ты был редактором журнала "Москва", в адрес редакции (твоего домашнего адреса не знала никогда, да и не пыталась узнать, ибо не хотела вносить, если можно применить

тут музыкальный термин, диссонанс в твое семейное счастье, - и таким образом избежать излишних, никому не нужных объяснений).

Думаю, что мое послание будет передано тебе твоими соратниками, вернее, собратьями по перу - коллегами, и ты, Миша, не оставишь его без внимания, пришлешь мне ответ и книгу (или же "Роман-газету"), - буду ждать и надеяться.

Мне кажется, что пусть и очень незначительное (косвенное, конечно) отношение имею к Сталинградской эпопее, хотя бы уже потому, что в свое время (в какой-то степени) поддерживала моральный дух будущего автора этого сочинения.

Всегда с неизменными добрыми чувствами

Ольга...

P.S. В данном конверте высылаю тебе на память три маленьких календарика на 1998 год (год для тебя, друг мой, славный, особенный, юбилейный. Здравия тебе, Миша, благополучия, успехов в жизни и труде!

Оля.

5 августа 1998 года.

P.S. В письме моем, возможно, отсутствует последовательность изложения мыслей, но ты должен понять меня, учитывая мое состояние, не судить строго, извинить: писала волнуясь.

* * *

Из этого письма и из других, последующих за ним, читатель, надеюсь, заметит, что для всех моих совершенно очевидных провинностей перед нею Ольга старается отыскать смягчающие обстоятельства, встать на мою защиту при неизбежных нападках на меня со стороны не только недругов, но и друзей, для коих некоторые мои поступки могли показаться необъяснимыми и даже предосудительными.

В этом отношении особенно показательным представляется мне следующее письмо Ольги. Оно длинновато, но я считаю необходимым привести его тут полностью.

Вот оно, это письмо.

Ужгород, 10 апреля 2000 года.

Здравствуй, дорогой Миша!

Май месяц очень насыщен замечательными датами,

среди которых: 6-е, если можно так выразиться - официальный твой день рождения (прими и от меня поздравления). Здесь и Первомай, День печати, и великий День Победы. К сожалению, не обошлось и без горестных дней: 13 мая исполняется три года со дня кончины дорогой, любимой Анастасии Николаевны. А в мае 1998-го умерла и Фрося, с горечью в душе приняла я столь печальное сообщение (не знаю числа, такового мне никто не написал, а на последнее мое письмо не откликнулись вообще - видимо, Тоня очень больна).

Ничего и ты, Мишенька, в течение 1999 года не сообщил мне о себе, не подтвердил получение моих посланий тебе: это и поздравление с Новым, 1999-м, подробное большое письмо, написанное в феврале, такое же - в октябре, в ноябре - поздравительная (двойная) открытка - по случаю дня твоего рождения и, наконец, новогодняя открытка с 2000-м, а также больших размеров календарь (на украинском языке) с "Котом" и маленький, с двумя "котятами". В каждое свое послание я вкладывала еще и фото разных лет. Получено ли все, перечисленное выше, тобою? (Получено, Оленька, получены и "Кот", и чудные "Котята". Берегу их и любуюсь время от времени ими. Спасибо! - М.А.) Связь работает не очень надежно, и мне неизвестно, получаешь ли ты посланное мною...

Понимаю, что тебе весьма обременительно отвечать на каждое мое письмо нагрузка у тебя по-прежнему огромная, но все-таки я очень хочу получить твою добрую весточку, хотя бы коротенькую, подтверждающую получение моих посланий, о состоянии твоего здоровья, о твоих творческих успехах. Понятно мне, конечно, и то, что живешь ты иной жизнью, нежели я, - тебя окружают родные, близкие тебе люди, поэтому ты не можешь понять моего желания получить твое письмо. Да и чувства мы всегда питали друг к другу разные.

Как-то моя приятельница, бывшая моя коллега (кстати, большая поклонница твоего таланта), проживающая в настоящее время в Киеве, зная историю моей неудавшейся личной жизни, писала в одном из писем ко мне, приводя строки из произведения поэтессы Сильвы Капутикян, касающиеся любви: "Любовь большую мы несли, но я к тебе, а ты к другой". И заканчивается стихотворение следующим образом: "Вот и живем мы так, любя, ты другую, я тебя". Дальше у нее в письме

написано следующее: "Любовь не каждый может понять. Недаром все писатели пишут в своих произведениях: понять - это простить все обиды, а простить - снова любить и сохранить свою человеческую сущность, каков ты есть".

Все эти строки, изложенные выше, привели мои мысли к далекому прошломув военные годы. Отвечая тебе, Миша, на твое роковое для меня письмо, видя, вернее, чувствуя твое страшное душевное состояние, советовала тебе полюбить какую-нибудь девушку, которая могла бы вывести тебя из этого затруднительного положения. На что ты мне ответил следующее (цитирую написанное тобою 5 мая 1944 года в Румынии): "Зачем, Ольга? в силах ли слабая, хрупкая девичья рука сдержать коня, в безумстве мчащегося прямо в пропасть? Она погибнет вместе с ним. Вы, отдавшая мне всю прелесть своей чистой, непорочной души, Вы, отдавшая всю силу и обаяние своего тонкого ума на то, чтобы поддержать меня, - Вы не могли ничего сделать! Так что способен ли кто сделать это вообще?"

Однако прошло не так уж много времени и такой человек встретился на твоем пути... Об этом ясно и четко написано в твоем романе "Мой Сталинград". С какой нежностью и любовью ты пишешь о своей женушке Гале. Конечно же, она была достойнее меня быть с тобою рядом. Ею было завоевано это право (в прямом и переносном смысле), ибо она, как и ты, прошла ад военного кошмара.

Я с чувством благоговения отношусь к тем, кто прошел фронт, считая их просто святыми. Но если мужчинам порою было невмоготу, тяжко переносить все эти ужасы, то женщинам намного тяжелее. Поэтому я искренне склоняю голову перед светлой памятью Галины Андреевны, давшей тебе счастье, подарившей двух милых дочерей, которые тебя радуют и по сей день. Да еще имеешь славную внучку, приносящую, естественно, тебе много радости. Короче: у тебя есть стимул жизни, а посему ты, друг мой необыкновенный, должен долго жить! Твой талант нужен людям, и я от всей души желаю тебе успешной работы над твоим произведением.

24 апреля два года со дня кончины моей незабвенной мамочки. Вспомнилось, как она сказала мне в те далекие военные года, когда тобою было сделано предложение, а с моей стороны дано согласие: "Вот так,

я сменила русскую фамилию на украинскую, а ты сменишь - наоборот..." (у нее было как будто предчувствие, что ты останешься жив).

Мама моя, Мария Михайловна, русская ведь, между прочим, землячка С.А. Есенина (на Украине проживать стала только с тринадцати лет, фамилия у нее была - Крылова).

У папы моего мать до замужества носила фамилию Ермакова (тоже русская, но родилась на Украине, была светлая, с вьющимися волосами), а вот дедушка мой был типичный украинец: чернявый, с карими глазами (от цвета его глаз мне, видимо, достались коричневые точки в моих глазах, которые ты, Мишенька, образно называл "камушками"). Дети, трое их было, пошли все в маму, никто не унаследовал отцовских глаз. Умер дедушка рано, когда папе моему, самому старшему из детей, исполнилось всего шестнадцать. Папа вспоминал о моем дедушке, что был он красив (бабушка также была хороша), говорил всегда по-украински, в семье все пели, исполнялись украинские песни традиционно.

Вот в какие далекие времена забралась я в своих воспоминаниях. Все собиралась рассказать тебе при встречах о своих родословных, да не суждено было...

Папа любил рассказывать о родных, о многочисленных родственниках, обладал своеобразным даром рассказчика интересного, умел многих скопировать, был с большим юмором - это досталось ему от его мамы: она хотя и была совсем неграмотная, однако наделена артистическими данными.

В доме у нас не скучали. Папа играл на всех инструментах, мама - на гитаре и пианино, а меня никак не могли приобщить к искусству, несмотря на то что имела музыкальный слух, обладала небольшим голосом, очень любила старинные романсы, естественно, и украинские песни. У папы был приятный баритон, иногда он, взяв в руки гитару, заставлял петь и меня, аккомпанируя мне, а также и подпевая (вторил), у него был абсолютный слух.

Может быть, ты помнишь, Миша, что на Сумском ликероводочном заводе был струнный оркестр (папа им руководил и сам, конечно, играл, и мама тоже). Кроме оркестра был драматический кружок (маме приходилось в нем суфлировать), порою смеялись до слез - "артисты" ролей не знали, толклись ближе к суфлеру, не

расслышав, все перевирали. Часто вспоминали семьей твоего брата Алексея- Леню, который обладал талантом игры на сцене, держался весьма уверенно. Помнится, он участвовал в пьесе "Пустяковые дела", прекрасно справился со своей ролью, все хохотали. А была постановка эта осуществлена перед самой войной, в канун 1 мая 1941 года. Помню, ты говорил, что тоже присутствовал в клубе, но мы тогда еще не общались с тобою, все произошло позже... Знали мы о том, что очень хорошо пела Анастасия Николаевна, обладая чистым, красивым голосом до самих солидных лет. В общем, вы все талантливы - пожалуй, каждый в своем роде (вот только не знаю, каким талантом обладал твой брат Александр Николаевич)... Всегда с горечью и сожалением вспоминали о гибели Лени, от души жалели Фросю, оставшуюся вдовой с двумя детьми на руках. Обидно очень, что ты, Миша, так и не смог выбрать время, чтобы посетить место, где похоронен Леня, - светлая память и вечный покой!

Еще вспомнилось мне, как перед войной, будучи в кинотеатре "Комсомол", он подошел к нам (я была с родителями на просмотре фильма "Заключенные") такой веселый, жизнерадостный, общительный... И такая печальная судьба. Вспомнила и то, как вы вдвоем с папой собирались на рыбалку (уже во время войны), а мы с тобой в кино, но так и не удались нам эти мероприятия - у тебя не оказалось времени...

Буду заканчивать. 14 апреля написала тебе поздравительную открытку, весьма обстоятельную, а потом решила еще и письмо (также получилось обширное) - сегодня уже 22-е. Одновременно высылаю в данном конверте небольшой тебе подарок к празднику Победы: календарь (теперь уже на русском языке купила) с чудным видом природы и календарик с симпатичной собачкой. Прошу подтвердить получение.

Ты, Мишенька, хотя и очень занят делами, мой милый, но по натуре быстрый (короче говоря - шустрик, не то что я - мямлик), поэтому сможешь по-быстрому, как говорится, черкнуть мне пару слов. Было время, когда и я была быстрая, шустрая, неугомонная, особенно в детстве. Дедушка мой говорил: "Наш пострел везде поспел". А сейчас медлительная очень, к тому же основательно нездорова.

Мои друзья и соседи, а твои читатели и почитатели,

приветствуют и поздравляют тебя с праздником Великой Победы, желают тебе доброго здоровья, творческих успехов.

Итак, родной, всех благ! Не забывай!

Целую. Всегда с тобою - Ольга.

* * *

Ну а теперь - то самое небольшое вторжение, коим я "угрожал" моим читателям в начале этой главы. Такая необходимость есть: в письме Ольги названы имена, которых не было в главе первой, а именно: Алексей, Фрося и Тоня. Кто они? Алексей (Ольга называет его Леней) - это мой средний брат, волею судеб оказавшийся в Сумах, куда и меня, грешного, переманил перед самой войной. Фрося - это жена Алексея, черноокая хохлушка, красавица, которых в тех краях называют чаровницей, родившаяся в маленькой деревушке неподалеку от Сум. Я заглядывал в тот уголок, в белую "хатыну", где явилась на свет Божий моя родственница, очаровавшая моего развеселого белокудрого братца. Тоня - их дочь. А годом раньше у них родился сын. По настоянию матери его назвали Леней, то есть Алексеем - в честь отца, значит. В результате на украинской земле появился Алексеев Алексей Алексеевич. Это его, годовалого, отец держал на руках, кажется, уже на пятый день войны перед уходом на фронт. Никто из провожавших его не знал, что больше всем нам не суждено будет видеть этого человека. Алексей-старший погиб в сентябре 1943 года и сперва похоронен был у деревни Леоново, а затем тело его было перевезено в Ельню, где и покоится в братской могиле под общим памятником. Вокруг могилы выставлены мраморные доски, и на одной из них высечено: "АЛЕКСЕЕВ Алексей Николаевич". Ниже год рождения и год смерти: "1914-1943".

Я действительно очень долго не мог навестить могилу самого любимого моего брата. Потом навещал, и не раз. Но об этом не знала Ольга Николаевна Кондрашенко. И опять виноват, конечно же, я сам: не написал ей об этом. А Леня-младший, племянник мой, много раз бывал у меня в Москве. Был и я у него в гостях. Правда, всего лишь один раз и не один: со мною вместе были жена Татьяна Павловна и мой верный друг, замечательный писатель Михаил Годенко. Был я и в самой деревне Леоново, встречался и разговаривал с мужиком, который знал моего брата Алексея. Во время войны он был мальчишкой, что-то около двенадцати лет; при нашей встрече ему уже было за пятьдесят.

Брат не раз заходил в их дом, когда его артиллерийская батарея располагалась неподалеку, на опушке леса. Туда-то и уходил брат через поляну и повстречался ногами с вражеской миной...

Леня-младший, Алексеев Алексей Алексеевич, мой, стало быть, племянник, умер несколько лет назад, вслед за ним и Фрося, его мать, но я даже не сразу узнал об этом: умерли они в тех же Сумах, но для меня это уже была заграница. Беловежская пуща сделала все, чтобы разлучить нас навеки, не дождавшись нашей смерти...

* * *

Ужгород, ноябрь 2000 года.

С днем рождения, дорогой Миша!

Сердечно поздравляю тебя, мой славный друг!

Пишу 12-го, однако когда будет отправлено - не знаю: я теперь в полной зависимости во всех отношениях, ибо никуда не выхожу из дома вообще. Конечно, к 29-му поздравление мое к тебе не прибудет, но мысли мои всегда с тобою и пожелания самые добрые - тоже.

Кроме всего, в данном конверте хочу отправить два письма твоих, касающихся Сталинградской битвы, а их надо соответственно подготовить и отдать на ксерокопию. Первое - от 9 августа 1942 г. - твое знаменитое августовское письмо, которое было прочитано в то время многими. Оно явилось ответом на мое послание, полученное тобою, как писал ты, в самый тяжелый и опасный момент... Второе - от 17 января 1942 года, но здесь явно вкралась ошибка (и не удивительно, ибо писалось таковое в кромешном аду - в полном смысле этого слова)- это был уже 1943 год, когда наши доблестные войска вели успешное наступление и основательно громили немцев в легендарном Сталинграде. Оба их нельзя читать без слез - они трогают до глубины души даже спустя десятилетия.

17 октября 2000-го отправлено было в твой адрес заказное письмо, в которое я вложила твое послание военных лет, написанное мне 25 ноября 1942 г., а также еще копию письма нашего большого друга и вырезку из газеты под заглавием "В Сумах". Дошло ли все это до тебя?

А теперь, Мишенька, разреши продолжить тебе

описание моих приключений в детстве. Как и все дети, очень любила бегать и, безусловно, без конца падала и вечно была со сбитыми коленями и локтями. Однажды со мной случилось падение просто-таки "классическое". Гонялась я во дворе за котенком, который никак не давался мне в руки. Удирая от меня, он, разбойник, взобрался на кучу огромную камней, а я в азарте полезла за ним, но споткнулась на них. Было очень жарко, и на мне были только трусики, - таким образом, ободралась основательно: сбила локотки и коленки, а главное - пострадала грудка. И вот в таком неприглядном виде предстала пред мамины ясные очи во всей своей "красе" и, конечно же, в слезах. Мама пришла в ужас, увидев такую картину, а для меня еще самое страшное предстояло впереди - купание. Все щемило, болело, и, хотя мама старалась обращаться со мной поосторожней, мне было страшно больно... но только стало подживать, опять принялась за беготню...

На этом заканчиваю. Прошу подтвердить получение данного послания. Закладываю еще в него две ксерокопии поздравлений, приуроченных ко дню моего рождения, тебе на память.

* * *

Ужгород, 5-28 февраля 1999 года.

Миша, дорогой, здравствуй!

Во второй половине января получила твое письмо от 23 декабря 1998 года, - оно принесло мне большую радость, из него узнала новости, которые ты в нем сообщил. Когда-то, в прежние годы, я выписывала много периодических изданий: "Литературную газету", еженедельник "Литературная Россия", а также журналы "Москва", "Волга", покупала в рознице "В мире книг", "Наш современник" и, конечно, "Роман-газету" и другие. Из перечисленной выше прессы узнавала о твоей творческой жизни, могла увидеть тебя на фотоснимках; сейчас этого всего лишена полностью - совсем ничего не выписываю даже по Украине (такое мне недоступно). В этом году, правда, получаю я газету "Товарищ" (газета Социалистической партии Украины). Моя приятельница, бывшая заведующая магазином "Военная книга", сделала мне новогодний подарок: годовую подписку "Товарища"

на 1999 год. Так что получаю таковую еженедельно.

А теперь по существу твоего отчета, Мишенька, как ты называешь сообщения о себе в своем послании. Рада за тебя от всей души. События огромны: здесь, прежде всего, окончание величайшей трудоемкой работы романа "Мой Сталинград"; и хотя он не выпущен еще отдельной книгой - все же самое главное позади, колоссальный труд закончен. Далее - грандиозного размаха Алексеевский фестиваль в течение трех месяцев на родной твоей Саратовщине - это же потрясающе, друг мой славный! Далеко не каждому такое суждено пережить. Ездил ли ты в это время туда, Миша? Да, действительно, заметка под заголовком "Саратовские страдания по Алексееву" весьма любопытна. Что же все это значит, мой милый? И дальше: учреждение Всероссийской литературной премии имени Михаила Алексеева не менее потрясает. А что значит еще присвоение тебе звания Почетный гражданин Саратовской области и построение на родине твоей, в селе Монастырском, симпатичного для тебя домика - благодарность земляков твоих, для которых сделано тобою, безусловно, очень многое (может быть, ты имеешь фото этой постройки, а также дачи в Переделкино, пришли мне, пожалуйста, хочется увидеть еще и кабинет, в котором работаешь, дорогой!). Одно потрясение следует за другим: возрождение Академии российской словесности, учрежденной еще Екатериной II и ее сподвижницей Дашковой, твое избрание, в числе первых, в действительные члены этой академии. И в завершение всего сообщение, что приступаешь к работе над новым произведением, опять автобиографическим, - о твоей шестилетней службе за рубежом. Название его, как в настоящее время приходится, к сожалению, слышать довольно часто - "Оккупанты" - мало сказать грустно - до глубины души обидно, больно и возмутительно. Мишенька! Представляю, какую реакцию вызывает, с позволения сказать, такое определение у тех, кто на своих плечах вынес все тяготы этой страшной, неимоверной битвы... Что же еще сказать по этому поводу (а можно говорить здесь до бесконечности). Пусть, мягко выражаясь, это будет на их совести, перевернувших весь ход событий, переписывающих бессовестно историю, - вот так, мой дорогой!

Благодарю за фотокарточку. Теперь я имею

представление о твоей младшей дочери Ларе, внучке Ксюше. Твою старшую дочь Наташу видела в прессе, а именно в "библиотечке "Огонька"", читала ее очерки в самом журнале. В свое время отправляла бандеролями материалы, касающиеся тебя, твоей Наташи, твоих соратников по перу, близких друзей, Анастасии Николаевне. А твоя Лара, видимо, похожа на маму свою, цвет глаз только у нее твой - голубой, впрочем, и жена твоя была тоже голубоглазая, а вот Ксюша, по всей вероятности, имеет сходство со своим папой. О тебе, Миша, могу сказать следующее: ты выглядишь моложе своих лет, улыбка у тебя прежняя - такая же обаятельная, только румянец чудесный куда-то исчез...

А грибы какие чудесные у тебя на даче!

Спасибо, родной, за поздравление с Новым годом. Твой же огонек в далеком Закарпатье не просто мерцает, а сверкает ярко. Приятно, что ты не теряешь надежды побывать здесь. Что ж, милости просим - будь желанным гостем!

Во втором своем письме я остановила твое внимание на случае, происшедшем со мной в Ирбите в годы войны, написав, что меня постигла большая беда. А случилось следующее. Накануне очередного получения зарплаты для завода, на котором я работала, съела отварной крови (с мясокомбината, который находился напротив моей работы, привезли в заводскую столовую кровь, ее отварили и раздали рабочим). Аппетит у меня тогда был отменный, ела я ее в несколько приемов, последнюю порцию уже поздно вечером. Легла спать, крепко заснула, как будто все было ничего, а утром мне стало очень плохо, однако на работу, конечно, отправилась. Взяла документацию, прихватила знакомые тебе по предыдущему описанию портфельчик и чемоданчик и пошла в госбанк. Уже там, получив деньги и упаковав их, почувствовала ухудшение состояния, однако надо было еще идти на почтамт, где должна была сдать денежные переводы. В очереди стояло человек десять-двенадцать, а я уже ощутила резкое ухудшение: стала сильно кружиться голова, совсем потемнело в глазах, мелькнула мысль попросить, чтобы пропустили без очереди, но постеснялась, еще хватило сил стать в конце и тут уже, видимо, потеряла сознание...

Очнулась на подоконнике раскрытого окна, первое - спохватилась: деньги! Все оказалось при мне, я вновь

потеряла сознание; возле меня, конечно, стояли люди, пока окончательно пришла в себя. Один из стоящих сказал мне: "Ваше счастье, что я успел подхватить вас почти у самого пола, когда вы падали навзничь"... Падая, прикусила себе только губу, а могла и убиться, не судьба была. Позже две женщины повели меня домой (и здесь повезло), совершенно случайно оказалась дома мама (она собиралась на подсобное хозяйство с сотрудниками и пришла домой переодеться). В доме нашлось кислое молоко, которое облегчило мое ужасное состояние. С мамой мы добрались до завода, где она работала (благо находился он близко от нашего местожительства), там дали лошадку (и кличку помню - Брага) с бричкой ("скорых" тогда и в помине не было), и нас повезли в больницу. По дороге нам подсадили еще какого-то мужчину, который отравился древесным спиртом и стал терять сознание; маме пришлось уступить ему место, а самой, бедняжке, бежать следом (хорошо, что была молодая). В больнице я пролежала дней пять (у меня оказалось токсическое отравление, так как скот, кровь которого пустили в пищу, был болен). Кушала, естественно, не одна я, а многие, но мне досталось, говорят, большое количество этих самых бацилл, да ела, видимо, далеко не свежее и жестоко за это поплатилась - спасло то, что был юный организм, переборол страшное заболевание. После той беды еще где-то полгода страдала от фурункулов, которые обседали меня с ног до головы, в полном смысле этого слова. Приспособилась пить пивные дрожжи, мама доставала их на пивоваренном заводе, а они семь раз невкусные, даже противные, - и вот болезнь в конце концов отступила.

Все это дела давно минувших дней, но воспоминанием о них я хотела подчеркнуть порядочность людей, которым жилось очень трудно, впроголодь в столь тяжелое время, но никто в суматохе не воспользовался моей бедой, оставив все при мне нетронутым. Теперь нашлись бы дельцы, быстро сориентировались бы и преспокойно унесли деньги.

7 февраля 1999 года исполнилось сорок пять лет со времени нашей встречи в Чопе (когда ты ехал в Вену). У тебя, наверное, стерлась в памяти эта встреча (во всяком случае, ее детали) - твоя жизнь была до предела насыщена множеством встреч и расставаний, я же все до мельчайших подробностей помню, как будто

происходила она совсем недавно. Вспомнилось мне наше свидание еще и потому, что ты, по всей вероятности, был удивлен моим приездом с родителями. Конечно, такое положение нас с тобой, Миша, поставило в определенные рамки, разговор не получился откровенным... Здесь сочеталось несколько причин, так складывались обстоятельства, мне просто не повезло. Трест "Маслосырпром", где я работала в тот момент, имел легковую машину, которая в любое время могла меня доставить в Чоп, но она находилась в командировке по области, поэтому пришлось прибегнуть к заказу такси, и тут не обошлось без сложностей, о которых будет сказано чуть ниже. А начало пошло еще от моего состояния: получив твою телеграмму, я, конечно, очень разволновалась, что привело меня к сугубо женским неприятностям, начавшимся на целых две недели раньше положенного срока. Мама, узнав об этом и зная, как болезненно переношу этот период, решила ехать со мной, проводить. И вот к шести утра подъезжает такси (ночью, конечно же, никто не спал); увы! машина не та и не тот шофер, с которым договорились, и к тому же основательно пьян. Тут уже и папа, увидев такую ситуацию, заявил, что он одних нас не пустит, поедет с нами - таким образом и оказались втроем, и очень хорошо. Водитель достался нам весьма непутевый, машина, нуждающаяся в ремонте, тряслась и тарахтела неимоверно, была без отопления; всю дорогу он комментировал свои приключения: то на днях задавил поросенка, потом наехал на собаку, затем чуть не сбил пешехода и т. д. - в общем, развлекал. И только перед самым Чопом, когда машину остановили пограничники проверить документы (тогда была пропускная система), немного угомонился, - таким образом, с горем пополам, доехали. А тут и с тобой не сразу увиделись, дорогой мой, тоже не обошлось без волнений. Однако все же хорошо, что хорошо кончается, главное - встретились.

У мамы и папы был такой план: когда мы с тобой встретимся, оставить нас вдвоем, а самим пойти до отхода поезда на Ужгород к каким-то знакомым (в 1954 году, как, впрочем, и в этом, 1999-м, было воскресенье), но лишить себя удовольствия побыть в твоем обществе они не могли - вот так и получилось.

И еще помнится твой вопрос ко мне: была ли я с кем-то близка? Напрямик не ответила, хотя ты и мог

обратить внимание на мое некоторое замешательство. А перед этим тобою было дано обещание на обратном пути из Вены заехать к нам в Ужгород погостить с недельку, поэтому ответила, что при встрече поговорим на эту тему.

И вот перед отходом твоего поезда в зале ожидания (на перрон провожающих не пускали) прощались много раз, для меня оно было тяжким, сердце мое сжималось в недобром предчувствии: больше не увидимся. (несмотря на данное твое слово через два-три месяца приехать). Какой-то пьяный военный, буквально падающий с ног, расхрабрился и заявил: "Товарищ подполковник никак не распрощается со своей молодой женой". Ты, возможно, этих слов не расслышал, но внимание обратил на него, сказав при этом: "А вот таким я никогда не был!"

По возвращении ждали меня большие неприятности: определенным человеком мне было сказано буквально следующее: "Так, значит, договорились? Будете уезжать?" При этом голос у него срывался, руки дрожали. В ответ я только сказала: "Успокойся, никто на меня не претендует и уезжать никуда не собираюсь!" И все же простить мне этот проступок окончательно было свыше его сил: он был слишком высокого мнения о себе, пользовался успехом у женщин - и вдруг... Пишу тебе такое потому, что хочу этим лишний раз подчеркнуть мое отношение, мои чувства и еще - какое значение ты всегда имел для меня, дорогой мой, любимый! Поэтому я, несмотря на возможности определиться в личной жизни, имея предложения, не решилась идти на этот шаг, боясь, что при встрече с тобой смогу не устоять... В такое трудно поверить, это, если можно так выразиться, граничит с фантастикой, однако это факт, а факт, как известно, упрямая вещь.

Уже что-то давненько не пишет мне Фрося, там, видимо, беда, больна очень и Тоня. К сожалению, у них всех не сложились нормальные родственные отношения. Ты, конечно, знаешь, что ушли из жизни Валя с Леней, а их дети Света и Леха отдалились от Фроси и Тони, сводя с ними какие-то счеты. Очень обидно, что близкие родственники не могут найти общий язык, о чем-то договориться.

2 марта день рождения Анастасии Николаевны - светлая память; я всегда с любовью и преданностью относилась к ней, и она мне отвечала взаимностью, до

конца жизни не забуду Анастасию Николаевну, до сих пор часто вспоминаю и переживаю...

А 30 марта день рождения Толи, собиралась написать ему поздравление. Может, ты, Миша, поздравишь его, думаю, он будет рад этому. Толя с Милой приглашали меня (после кончины мамы моей) приехать к ним в гости, но это, безусловно, невозможно во всех отношениях.

В данном письме высылаю тебе на память три свои фотокарточки прошлых лет. Ты, пожалуйста, Мишенька, подтверди поступление, а также предыдущих моих посланий: юбилейной открытки с днем твоего рождения, отправленной вместе с отснятой твоей фотокарточкой 1942 года еще 11 ноября 1998 года заказным письмом.

Опять много написала. Кончаю, жду твоей весточки. Желаю вдохновения, здоровья и благополучия!

Целую, обнимаю тебя

Ольга.

* * *

Ужгород, 1-16 октября 2000 г.

Милый, дорогой Миша!

Хочу еще и в письменной форме сердечно поблагодарить тебя, друг мой, за книгу. Издание очень хорошее, дарственная надпись - тоже. Трогательна и твоя признательность всем волгоградцам и Администрации Волгоградской области, выражение благодарности живущим ветеранам, дань памяти погибшим. Трогает обращение к землякам разных поколений Н.К. Максюты и, конечно же, в заключение - искренний, душевный отзыв о твоей главной книге "Мой Сталинград" твоего фронтового товарища, а позднее большого, близкого друга на протяжении многих лет в творческом содружестве (да и, видимо, у вас дружба семьями)- Семена Михайловича Борзунова. Я к нему питаю добрые чувства за его верность, преданность тебе, за интересные, правдивые произведения, за патриотизм, твердость суждений, постоянство.

Сталинград! Для меня это не только город мужества и славы, что признано всем миром. С ним связано сугубо личное, а именно: в рядах защитников Сталинграда находился дорогой и любимый мой Миша Алексеев (в то

время еще мой), к которому питала сильные чувства любви и преданности, переживала до глубины души за его судьбу... Оттуда было сделано тобою, Мишенька, мне предложение, туда же пришло мое согласие к тебе. Так что город этот в те страшные военные годы как бы "повенчал" нас. Суждена нам была долгая жизнь (мы оба остались живы). Могли бы отметить не только "серебряную", но и "золотую", однако судьба весьма быстро и довольно резко изменила свои благие намерения...

Теперь это уже очень далекое прошлое, но во мне оно оставило на всю жизнь глубокий, неизгладимый след...

Тебе, конечно, было намного легче, и прежде всего из-за того, что не питал ко мне прежних чувств. Позже встреча с девушкой, которую полюбил и на которой женился. Далее - осуществление твоей заветной, сокровенной мечты писать книги, хотя путь этот невероятно тяжелый, тернистый.

Как-то давно я читала в еженедельнике "Литературная Россия", где было сказано, что труд писателя приравнивается к труду рудокопа: только одного изнуряет физически, а второго - умственно, что, пожалуй, еще страшнее... Поэтому всегда с понятием относилась к твоим задержкам на свои послания (а то и вовсе оставленные без ответа), ибо чувствовала твою колоссальную нагрузку, хотя порою мне было, безусловно, обидно. Однако, если кто-то старался обвинить тебя в невнимании, неуважении, безразличии ко мне, всегда становилась на твою защиту (эти строчки уже подчеркнуты не ею, а мною. М.А.), говорила о том, что тебе легче взяться за какую-то физическую работу, нежели за ответ на письмо.

Теперь по существу твоего послания от 30 июня 2000 г. Представляю, каких физических, моральных и душевных сил потребовали от тебя эти поездки, встречи с ветеранами и молодежью (а молодежь сейчас очень остра на язык, считает себя уж слишком умной и не стесняется задавать самые каверзные вопросы). Как же осуществилось тобою, друг мой сердечный, это множество надписей на книгах? Масса поездок по России и не только по ней? В каких же государствах тебе еще пришлось побывать?

Да, мужества и трудолюбия, Мишенька, у тебя

предостаточно, занимать не приходится. Дай Бог и в дальнейшем быть тебе, как говорится, на высоте: в добром здравии и благополучии - все это так необходимо в работе над новым произведением; желаю осуществления твоих замыслов.

Еще должна передать тебе, Миша, особый привет и благодарность за написание книги о Сталинградской битве от моей хорошей, отзывчивой и толковой приятельницы (бывшей коллеги) Людмилы Ильиничны Шабановой. Она родилась в Сталинграде, прожила в нем годы детства и в юном возрасте со всеми ужасами войны, которые выпали на долю этого города. Их семья очень пострадала. Прямо во дворе, во время бомбежки, в возрасте сорока восьми лет был убит папа. Двое суток не могли похоронить из-за сильного обстрела (могилу копали сами, помочь было некому). С ними еще проживала бабушка (как и у нас), которой из-за преклонного возраста было особенно трудно. Немного позже сильно ранило маму, и она слегла, так что все тяготы, свалившиеся на них, легли на далеко не крепкие плечи Люды (Люси, как называли ее в семье). А через какой-то промежуток времени в дом попала бомба, видимо зажигательная (а он был деревянный, поэтому сгорел), так что лишились и крыши над головой, хотя остались живы... Люде приходилось, рискуя жизнью, добывать пищу и воду - за всем этим тянулись целые вереницы обездоленных людей... Потом, когда немного поутихло, с помощью каких-то знакомых перебрались в более безопасное место, оттуда добрались до Астрахани, где оказался кто-то из родственников. В общем, хлебнули горя сполна...

В одном из писем, Мишенька, я уже кое-что писала о своем детстве, начиная с рождения. Вот с того момента меня подстерегала страшная участь: лишиться родной мамы такой крохотулечкой (где-то в месячном возрасте, когда маму не могли разбудить после хлороформа). Потом, примерно в двухлетнем возрасте, надо мной нависла та же участь. Мама тяжело заболела и находилась в больнице при смерти. Лечащий врач сказал, что состояние критическое, надежды никакой, разве только сотворит чудо молодой организм. Дедушка привел меня, чтобы проститься, но мамочка моя совершенно не отреагировала, будучи без сознания, и я, конечно, по малолетству своему, не могла осознать всего

ужаса беды, нависшей над нами... Однако судьба или Бог (а может, рождение мое "в рубашке") смилостивились, и мама осталась, на счастье, жива, - ей даже суждена была долгая жизнь...

Когда маму выписали из больницы и папа привез ее домой, то внес в дом на руках - это был живой труп. Постепенно она стала приходить в себя, организм начал как бы обновляться, и через некоторое время мама просто расцвела. А я на радостях стала оказывать ей помощь: очень любила заметать (причем веник где-то был раза в два больше меня). И вот однажды, взявшись за работу, забралась под кровать (мама рассказывала мне, когда я была уже постарше). Слышу, говорит, твой плач, довольно сильный, но несколько приглушенный. В первый момент от волнения не могу понять, где ты, потом соображаю, что под кроватью (а она широкая, застелена довольно плотным марлевым одеялом, вот это, естественно, приглушило звук). С трудом вытаскиваю тебя - плачущую, забившуюся в уголок вместе с веником, протягивающую мне ручку. Оказывается, в одном из пальчиков сидит заноза, быстро ее вытаскиваю - и все страхи с болями остаются позади. Спрашиваю: "Лялечка! Зачем же ты залезла с веником под кровать?" - "Чтобы чистенько было!" Какое-то время, рассказывала мама, я обходила стороной злополучный веник, боясь к нему приблизиться, но такое длилось недолго - любовь к заметанию взяла верх, и "работа" возобновилась. Кстати, всю жизнь любила заниматься уборкой - особенно заметать. Папа всегда подтрунивал надо мной, говоря: "Наша дочь с неизменным своим спутником!" И довольно точно копировал...

Как и каждого, живущего на земле, меня подстерегали беды, граничащие с опасностями серьезными, угрожающими жизни даже. Описанное выше происходило в Павлограде Днепропетровской области (это наша с папой родина). Но вот мы переезжаем в Бердянск Запорожской области, который находится на Азовском море. Проживаем в курортной местности и, конечно же, ходим купаться (мне где-то лет пять). Родители мои всегда с ужасом вспоминали момент, когда меня накрыло большой волной и понесло в море (я сидела на берегу, играла в песке). К счастью, с нами находился папа (он хорошо плавал, частенько далеко отплывал и в это время мог, конечно, отсутствовать,

мама же вообще не умела плавать, да и растерялась, от сильного испуга у нее онемели руки и ноги). папа быстро и ловко выхватил меня из морской пучины, а я смеюсь, понравилось дурешке малой...

Однако хватит воспоминаний о детстве, до следующего моего послания.

Теперь, дорогой мой, хочу коснуться твоего письма, написанного 25 ноября 1942 года. В данном конверте я тебе его высылаю. Оно, пожалуй, самое большое из всех написанных тобой писем. Пришлось над ним немного поработать, то есть навести химическим карандашом (каким написано), да так, чтобы не исказить твой почерк...

Думаю, что в какой-то степени мне это удалось. Ксерокопия сделана, хотя и не очень четкая, но прочесть можно (все-таки оригинал давний и бумага, на которой написано, не белая). Прочтешь, мой друг, и вспомнишь былое - такое тяжелое, связанное с потрясающими переживаниями душевными, а также с колоссальными физическими перегрузками и, безусловно, - смертельными опасностями...

Одновременно высылаю вырезку из газеты, которая попала ко мне не помню каким образом, касающуюся освобождения Сум в сентябре 1943 года. Она имеет весьма затрапезный вид, но ты уж извини. Я ее наклеила на бумагу, чтобы придать ей приличия, думаю, что прочесть сможешь. На обороте написаны данные о населении города в настоящее время. Услышала по радио 17 февраля 1999 года. Вспомнила, что 11 сентября 2000 года твоему племяннику Лене исполнилось бы 60 лет...

10 мая 2000-го была передача, посвященная 55-й годовщине Великой Победы. Длилась она недолго: минут 10-12. Вспоминали песню "Синий платочек" - музыка Петербургского, слова Я. Галицкого и М. Максимова. Запись на радио существовала в 1940 году, когда исполнителями были Л. А. Русланова и И. Д. Юрьева. Я с большим удовольствием их прослушала, ибо известно было исполнение К.И. Шульженко, где был уже текст, связанный с военными действиями, который распространился по-быстрому как в тылу, так, видимо, и на фронте. А вот довоенный текст был другим, запомнить который мне, естественно, не удалось. В памяти зафиксировались только последние строки:

"Напиши мне, дружочек, несколько строчек, милый, любимый, родной!" Вот так! Напиши, Мишенька, хоть несколько строчек... Буду ждать твоего подтверждения о получении отправленного мною. Писала с перерывами, не суди строго, причин уважительных хватает.

Целую тебя, обнимаю сердечно!

Всегда с тобою

Ольга...

P.S. Еще решила выслать копию письма военных лет, написанного на мое имя, нашего большого, умного и преданного нам друга - очень веселого человека, которого мы все искренне уважали и любили от всей души. О нем я тебе уже писала как-то в одном из своих писем. В данном его послании речь идет о нас с тобой, поэтому и высылаю на память.

Оля (Ляля).

А вот еще письмо в форме двух чудесных, нарядных как бы открыток...

На одной большущими буквами - поздравительные слова на ридной для Ольги украинской мови написано: "З Новим Роком та Риздвом Христовым!" На другой, с красными розами и какими-то другими немыслимой красоты цветами: "В День Нарождення з любов'ю".

Первая заключала в себе текст письма.

Оно начиналось так, как и все ее письма из Закарпатья:

Ужгород, 23 декабря 1998 г.

Миша, дорогой мой!

Сердечно поздравляю тебя с Новым годом и Рождеством! Пусть в твоем доме всегда живут вера, надежда и любовь. Желаю, чтобы друзья были верными, враги- открытыми, а родные - близкими. Много радостных, солнечных дней тебе в наступающем 1999 году!

Хочу сообщить о том, что дважды отметила твой юбилей, конечно, при помощи своих соседей и друзей. 21 ноября (в день Михаила Архангела) пришли ко мне соседи; вечер прошел в хорошем расположении духа, с некоторым литературным уклоном, пожеланиями здоровья, долголетия имениннику. 9 ноября пожаловали друзья - коллеги бывшие; произнесенные тосты в честь дня твоего рождения были исключительно душевными, с пожеланиями долгих лет жизни и дальнейших творческих успехов; не обошлось без добрых пожеланий

и в мой адрес. Михаил Петрович с большой теплотой вспоминал встречу с тобой в Москве осенью 1985 года, подаренную ему книгу "Драчуны" (кстати, он был очень нездоров и все же пришел). Время провели приятно, интересно, в приподнятом настроении, остались все довольны.

Не могу обижаться - меня не забывают, по возможности навещают, звонят по телефону. Днем и вечером мне немного легче - я занята делами, а вот ночами - тяжко: прокручивается вся жизнь, потеря родных и близких болезненно отдается в сердце, остро ощущаю одиночество...

Интересует меня, друг мой, получил ли ты мои послания, отправленные заказными 23/X-98 г. и 11/XI-98 г. Подтверди, пожалуйста, предыдущих получение, а также - данного. Буду ждать весточки от тебя или звонка телефонного. Будь здоров, родной!

Во второй открытке (назовем ее так), которая из роз и иных волшебных цветов, помещены стихотворные строки и коротенькие слова поздравления от самой Ольги.

Улетают года, словно пух тополей.
Не грусти, провожая их взглядом.
Ведь года - не беда
И совсем ерунда,
Коль семья и друзья с тобой рядом...

И от Ольги:

Пусть все задуманное тобою, благодаря упорству твоему, целеустремленности и вере, воплотится в жизнь. Доброго тебе здоровья желаю от всей души, милый, дорогой Миша! Обнимаю, целую.

И опять поздравительные открытки. Их не две, а три. И все празднично нарядные, в цветах, радующих глаз и душу, даже тексты в них написаны красными чернилами при изумительном Олином почерке.

Начну с первой:

9 мая 2001 года - первый в новом тысячелетии День Победы!

С праздником, дорогой Мишенька! Поздравляю

сердечно, от всей души с 56-й годовщиной Великой Победы! Желаю еще много лет встречать этот светлый, незабываемый День в добром здравии, благополучии. Получила твою бандероль с книгой и письмом - благодарю. Очень огорчилась тем, что мое послание могло быть утраченным - ведь в нем находились твои письма, которые представляют для тебя и большой интерес, и огромную ценность. Но слава Богу, этого не случилось, чему я очень рада. Однако в своем письме ты не упоминаешь о моем предыдущем послании, в котором было отправлено твое письмо от 25 ноября 1942 года - самое большое и, по твоему же определению, необыкновенное - все было послано 17 октября 2000 года, с моим письмом подробным на 12 страницах и еще кое-что. Получено ли это все тобою, друг мой, - напиши, пожалуйста, Миша. В данном своем послании высылаю тебе: одну открытку твою (первую, написанную мне) из Чирчика (город близ Ташкента, откуда я отправлялся в Акмолинск. М.А.) 31 декабря 1941 года, посланную на адрес моей подруги в Свердловск, три письма твоих 1942 года под номерами 2, 3 и 4 (в порядке получения). Прошу тебя подтвердить и это.

Я продолжаю очень болеть, состояние моего здоровья не улучшается. Хочется ведь выполнить свое обещание, данное тебе, дружочек, а именно: постепенно переслать твои письма военных лет, написанные мне в ту пору.

Еще с прошлого года у меня очень болит левая нога в коленном суставе: передвижение стало затруднительным, с острыми болями. А беда с ногой началась много лет тому назад, ровно за две недели до папиной смерти. Я находилась в отпуске (обычно брала таковой поздней осенью, когда мною уже была сдана подписка). Шла домой с покупками, как всегда, торопилась. Дойдя до главпочтамта, решила посмотреть на часы, установленные на фасаде здания, оступилась на ступеньках и упала, сгоряча поднялась, подхватила свою ношу и стала идти, но, сделав несколько шагов, почувствовала, что мне дурно, не помню, как добралась до барьера и, видимо, стала терять сознание, перед глазами замелькали разноцветные пятна, наступила темнота, началась тошнота и все...

На мое счастье, в этот момент подошел к почте мой сослуживец - он и оказался моим спасителем. Отойти от

меня он не мог - я не держалась на ногах, поэтому ему пришлось попросить проходящего мужчину вызвать "скорую".

Машина пришла быстро, и меня доставили в поликлинику, где мне оказали помощь, признав сильное сотрясение и резкое поднятие кровяного давления... А мой спасатель сам-то долго не прожил, всего три года, не дожив и до шестидесяти. В прошлом - фронтовик, переживший ранение в голову и контузию, по виду здоровый, цветущий, к сожалению, ушел из жизни.

На этом кончаю. Извини, пожалуйста, Мишенька, за весьма бестолковое, малосодержательное письмо.

В мыслях всегда с тобою

Ольга.

На второй открытке поставлена дата - 29 ноября, обозначавшая день моего рождения. Под ним маленькое стихотворение:

Закон природы так суров,
Бегут года в потоке века;
Как много есть хороших слов,
Чтобы поздравить человека.
Но не ищу я ярких слов,
А просто от души желаю:
Здоровья, счастья и цветов
И жить до ста, не унывая.

А ниже - уже от Ольги:

Славный, дорогой Миша!

Присоединяюсь к добрым пожеланиям, изложенным в стихотворении, искренне поздравляю с днем твоего рождения, друг мой. Сердечно обнимаю, целую.

Ольга.

Прими, пожалуйста, поздравление и от моих друзей, соседей - твоих поклонников и почитателей, - много добрых пожеланий на жизненном пути.

В данном конверте высылаю еще и открытку с твоим фото, сделанную с карточки, присланной мне в 1942 году, а также переписанное мною стихотворение из "Роман-газеты", которое не могла читать без слез, написано трогательно...

Прошу тебя, Мишенька, подтвердить получение как

этого послания, так и предыдущего, отправленного 23.10.98 года заказным письмом, довольно увесистым.

9.11.98 г.

Ольга.

В третьей открытке помещена помянутая Ольгой малюсенькая фотокарточка, снятая в самый тяжелый день боев на ближних подступах к Сталинграду. Над ней сказано: "Политрук минометной роты М.Н. Алексеев. Район Абганерево. Август 1942 г.". А под фотографией, сделанной тогда моим другом Валентином Тихвинским для партбилета, мои слова: "Дорогой Оле от Михаила Алексеева на память - 11.9.42". В этой же открытке стихотворение. Его автор - мой большой друг, к сожалению, уже ушедший из жизни. Оно написано, когда до нас, фронтовиков, в особенности уже немногих участников Сталинградской битвы, дошла весть о медленном и, казалось бы, неотвратимом разрушении знаменитого монумента на Мамаевом кургане. Поэт Владимир Федоров обратился к своим соотечественникам, и прежде всего - к молодым:

Спасите памятник!

Погибает памятник на Волге,
Где березы тужат о бойцах.
На курган Мамаев путь был долгим,
Весь в кровавых ранах и рубцах.

Трещины змеятся, как гадюки,
Жалят в сердце нас, фронтовиков.
Внуки! Внуки! Приложите руки
Память долговечнее веков.

Мы свое сказали - спору нету.
Нам не надо никаких наград.
Сталинград когда-то спас планету.
А теперь спасите Сталинград!

Над стихотворением помещено посвящение: Михаилу Николаевичу Алексееву. Но поэт имел в виду, конечно, всех нас, участников Сталинградской эпопеи, этого величайшего сражения XX века.

Мне бы в данном случае хотелось бы обратить внимание моих читателей на одно весьма важное обстоятельство.

Стихотворение это появилось в седьмом номере "Роман-газеты" за 1998 год. Как именно этот номер мог оказаться в руках Ольги Николаевны Кондрашенко, живущей какой уж год в Закарпатье, где для нее, казалось бы, оборвались все связи с бывшей для нее великой державой по имени Советский Союз? Но вот нашла же, и не могла не найти, поскольку речь идет о Сталинграде, повенчавшем ее со своей собственной судьбой, героической и трагической одновременно.

Сталинград! Ты с нами, ты наш, мы не отдадим тебя никому и никогда! Ты наша слава и гордость! Ты бессмертен! В тебе и наше бессмертие, как и Отечества нашего!

Глава третья
Роковое письмо

...Письма мои, написанные в окопах Сталинграда и на других фронтах, перекочевав вместе с моей верной подружкой из Ирбита в Ужгород, то есть из южного Урала в Закарпатье, продолжают одно за другим возвращаться ко мне.

Начну с письма, которое до крайности осложнит наши с Ольгой отношения. Вот оно, это письмо:

Оля! Дорогая моя крошка!

Сегодня, то есть 29 января, я получил от тебя, моей славной девчурки, письмецо, датированное 4 января 1943 года. Я вместе с тобою порадовался за твою встречу с дорогим папой. Так же, как и тебе, мне хочется дождаться того дня, когда наша семья будет вся в сборе.

Ну конечно, я не против этого!..

Я полюбил тебя, моя славная, полюбил не на шутку, полюбил вашу дружную, милую семью и очень бы хотел стать членом этой семьи...

Мне также хотелось бы, чтоб с этого письма ты, Оля, считала меня своим навсегда... Хотя у нас и не было формального акта, но пусть, пусть ты уже будешь моей подругой, женой... И я вернусь только к тебе. Сказал, понятно, я тебе всю правду. Да и вообще я привык говорить людям только правду, а тебе тем более.

У меня сегодня тоже знаменательный день. Здесь, в священном для каждого русского сердца городе, враг испускает последние предсмертные вздохи.

И мы окажемся в глубоком тылу. Конечно, на короткий срок.

Оля, милая, если б ты знала, свидетелем каких великих событий довелось мне быть. На моих глазах история огненными буквами записывает величественные страницы.

Нам еще рано, да и вообще вредно бахвалиться, но уже можно сказать, что мы нанесли Гитлеру такое поражение, которое, учитывая нашу дальнейшую, неутомимую борьбу, принесет нам в этом году желанную победу, а Гитлеру позорный крах.

Мы, видимо, с тобою встретимся на Украине, в Сумах, как раз там, где зародилась наша дружба, которая

так благоприятно крепла в такие тяжелые дни наших испытаний. Я надеюсь, что наша встреча уже не за горами.

Оля, я ведь у тебя просил прислать мне новый адрес папы, но ты почему-то до сих пор не выслала. Вышли мне его, дорогая, побыстрее.

Итак, моя подружка, жду в следующем письме твоего согласия стать моей женой. И став ею, я попрошу тебя, Оля, сохранить полное спокойствие и быть уверенной в том, что я никогда не обманывал своих друзей, и только ждать нашей встречи, которая обязательно будет.

Ну, до свидания, до скорого свидания!

Будь здорова и счастлива.

Привет папе, маме, бабушке и Нюсе.

Алексей тоже шлет всей вашей семье фронтовой привет.

Твой Михаил Алексеев.

29/I-43 г.

Город С.

Что сказать мне об этом письме? Теперь-то, спустя много-много лет, совершенно очевидно, что явно поторопился я, испрашивая ее согласия. Но тогда я был совершенно уверен, что поступлю только так, и никак иначе. Точно так же я был уверен, что и встреча наша, равно как и победа, уже близка, то есть не за горами. Знать бы мне, дурачку, что Победа придет к нам лишь через два года! Но я не знал. Не знал о том и мой брат Алексей, не знал про то, что в том же 1943 году в сентябре сложит свою голову под Ельней. Вспомнить бы мне строчки поэта из его гениальной поэмы "Василий Теркин", главы коей как раз начали приходить к нам в наши сталинградские окопы. Там было и предупреждение, и мудрое напутствие воюющему человеку: "Тут воюй, а не гадай!"

Переписка наша с Ольгой между тем продолжалась в прежнем порядке.

Здравствуй, Оля!

Давно, дорогая, ты ничего не получала от меня. Ну, в этом я не виноват: находился длительное время в пути. Путь был длинным, так что я успел даже написать стихотворную поэму. (По "Мертвым душам" моего любимого Гоголя я уже знал, что поэмы бывают не только в стихах, но и в прозе. - М.А.). Я знаю, что ты интересуешься моей внеслужебной работой. С этого письма я начинаю писать тебе свою поэму. Теперь я

снова на фронте. Но никогда не покидают мое воображение могучие сталинградские образы. Там впервые возникло у меня желание написать стихи... Эту поэму я написал в пушкинском стиле. Вот эта поэма.

Оля, в каждом своем письме ты будешь давать мне свои мнения о моих первых работах.

А пока до свидания. Будь здорова и счастлива.

Мой адрес несколько изменился. Теперь стал таким: ППС 07224а. Гвардии старшему лейтенанту Мих. Алексееву.

Привет папе, маме, бабушке и Нюсе.

Твой Мих. Алексеев.

9/IV-43 г.

В этом письме мною были посланы первые главы "поэмы", остальные поступили к Ольге позднее - все до единой. И только сейчас, через шестьдесят лет, все до единой вернулись ко мне. Но я их никому не показывал и не покажу. Рискнул послать под Будапештом осенью 44-го в газету 2-го Украинского фронта "Суворовский натиск", где появились страшно понравившиеся мне стихи неведомого мне рядового солдата Семена Гудзенко, и очень скоро творение мое вернулось ко мне в сопровождении редакционного отзыва, до того ядовитого и беспощадного, что я готов был провалиться сквозь землю вместе со своей "поэмой", хотя мог бы успокоить себя тем, что вволюшку дал потешить себя редакционным мудрецам. Довольно с них и этого!

Ольге-то я успел переправить несчастную свою поэму раньше, откуда она и вернулась, как уже сказано выше, ко мне сейчас, спустя шесть десятков лет. Лежит, бедняжка, под ворохом других бумаг. Лежит и помалкивает, что называется, в тряпочку. И - слава Богу.

А вот еще одно небольшое письмо, написанное уже из-под Белгорода, куда из-под Сталинграда в конце концов перебралась вся наша армия, где ей придется испытать все прелести еще одного сражения, вошедшего в историю под названием битвы на Курской дуге. Мало нам было сталинградского побоища!

Итак:

Оля, здравствуй, родная!

Ты прости меня, но я пишу тебе очень маленькое письмо: сейчас у меня снова начались горячие денечки. Твое письмо принесло мне много радости теперь я имею близкого друга, который своею лаской будет сопровождать меня на протяжении моего неровного и ухабистого пути. Я очень рад, что ты поверила мне, хотя,

я понимаю, ты и шла на известный риск. Что же, постараюсь до конца остаться верным своим словам. Ты же будь спокойна, уверена во мне, подружка моя.

Будем надеяться на скорую встречу, когда заживем с тобою счастливо и радостно.

Пиши почаще. Привет папе, маме, бабушке и Нюсе.

27/04-43 г.

Твой Михаил.

А через три дня оттуда же, из-под Белгорода, как бы вдогонку отправилось еще одно письмо:

Оля, славная моя!

Получил твое письмо с "Уралочкой". Стихотворение мне понравилось. Написано просто, задушевно. Последние два стиха (имелись в виду строфы. М.А.) особенно хороши, и я с удовольствием и с легкой грустью на сердце прочел их несколько раз.

Моя подружка дальняя
Как елочка в снегу.
Ту елочку-уралочку
Забыть я не могу.

Давно ушел я из дому,
Но помню до сих пор
Ее совсем особенный
Уральский разговор.

Письмо моей уралочки
Попробуй-ка пойми,
На фронт прислала валенки,
А пишет мне: "пимы".

На каждом слове токает,
Все "то", да "то", да "то",
Зато такого токаря
Не видывал никто.

Моей далекой весточке
Не так легко дойти.

Но ты, моя невесточка,
Работай, не грусти.

А если встанет в горлышке
Непрошеный комок,
Ну что ж, моя уралочка,
Поплачь и ты чуток.

Но дело наше верное,
Не стоит слезы лить,
Свободные, счастливые,
Сто лет мы будем жить.

Приду - сыграем свадебку,
По чарке разопьем
И вскоре сыну имечко
Придумаем вдвоем.

Я тоже пишу стихи, но они у меня получаются суровыми. Вот последнее стихотворение:

Муза

О муза верная моя,
Ты рождена в боях.
И ты со мною, знаю я,
Пойдешь в грядущих днях.

Увидишь близкого в беде
Ему ты помоги.
И если трудно петь тебе,
Умолкнуть не моги.

Ведь ты пойдешь всегда со мной
Теперь в нелегкий путь,
Туда, придется где с тобой
Нам горюшка хлебнуть.

Ты будешь петь, когда гроза
Завоет все сильней,
Ты будешь петь, когда слеза
Невольно из очей

Падет на пламенную грудь
Земли моей родной,
Когда о павшем друге грусть
Нависнет надо мной.

Ты будешь петь о тех, кто шел
Бесстрашно в смертный бой,
Для тех, кто с немцем битву вел,
Пусть будет голос твой

Звучать сильнее и громчей
Над русскою землей,
Чтоб было в схватку веселей
Пойти другим скорей.

А тех, кто дрогнули в бою,
Кто клятве изменял,
Ты, муза, твердою рукой
Безжалостно карай,

Карай и славою лихой
Таких ты обрекай.
И не забудь, о друг ты мой,
Когда настанет смерть,
Склонившись низко надо мной,
Последню песню спеть.

Оля, сегодня я тоже написал письмо нашему дорогому папочке.

У меня сейчас все в порядке. Посылочку твою я не получил. Очень жалею, что твоя посылочка может пропасть.

Сейчас у меня болит голова. Но это не болезнь. Я просто утомился немного. Недавно только я возвратился

с очень опасного задания (Ходил вместе с разведчиками за линию фронта. - М.А.) и сейчас хочется отдохнуть.

Ну, будь здорова, голубка моя!

Жду от тебя писем.

Привет от меня и от Алексея всем вам.

30/IV-43 г.

Твой Михаил.

И еще одно письмо, названное Ольгой роковым, потрясшим не только ее одну, не только мать и отца, но и всех ее подруг в далеком Ирбите. Письма этого долго не было среди тех, кои приходили ко мне из Ужгорода. И вот оно наконец пришло - сильно помятое, зачитанное, очевидно, не только ею одной, но и многими другими людьми, близкими ей. Полагая, видимо, что таким даже мне самому трудно будет его прочесть, Ольга переписала его своим удивительным четким, красивым почерком.

Вот оно, это письмо. Привожу его полностью, без единой поправки, таким, каким оно вышло из-под моего безумного, как показалось сперва Ольге, пера. Думаю, что таким же оно покажется и вам, мои дорогие читатели, которые успели уже познакомиться с письмами моими, предшествовавшими этому.

Дорогая Ольга!

Не торопись читать это письмо - оно должно принести Вам горькое разочарование. После мучительных размышлений я решился на такое письмо, после которого я стану для тебя не только нелюбимым, но самым ненавистным для тебя человеком. Я и не требую от тебя прощения - я недостоин его. Я заслужил то, чтобы меня было за что ненавидеть. Но что бы там ни было, я решил, правда очень поздно, написать всю правду. Вы, Оля, замечательная, умная девушка, но я Вас не люблю... Я долго обманывал вас и самого себя, но с некоторых пор я окончательно убедился в своих чувствах.

Быть может, Вы и любили меня, но, право, Ольга, я недостоин Вашей любви, а потому и решил положить этому конец. Тебе нужен друг, которого ты, пожалуй, и имела бы, не будь меня. Я вовсе не пытаюсь оправдываться, но все-таки я поступаю правильно, предупредив Вас об этом. Я знаю, Вы назовете меня самым презренным словом, которое только есть в человеческом лексиконе. Мое признание не есть измена, а нечто более безумное, чем следствие здравой мысли. Доложу Вам, что у меня и сейчас нет любимой девушки,

и боюсь, будет ли она когда-нибудь вообще. И сообщаю Вам все это единственно для того, чтобы развязать Вам руки. Это может показаться самым ужасным кощунством. Теперь мне все равно, как меня поймете. Я должен был об этом предупредить Вас значительно раньше, но не хотелось, чтобы чистое, чудесное сердце девушки разочаровалось в самых лучших своих чувствах. В то время как это могло кончиться само собой: ведь могло же и со мною случиться то, что случалось с моими товарищами...

Мне нелегко писать письмо, которое уничтожит меня в глазах людей, считающих меня порядочным человеком. Конечно, легче было бы поступить так: продолжать письма в прежнем тоне, уверять, клясться в любви (как я это и делал, обманывая себя и Вас), а потом - куда кривая выведет; или не писать вовсе, добиться этим того, чтобы вы решили, что я погиб или пропал без вести, а затем постепенно и забыли бы вовсе. Так поступать, как поступил я, - подло, а так, как рассказано выше, - еще подлее: так может поступить только жалкий трус, которым, при всех моих недостатках, я себя еще не считаю. Я решил написать всю правду, наперед зная, сколько нелестных слов полетит в мой адрес. Я привык быть беспощадным не только к людям, но и к самому себе, если этого заслужил. Твое справедливое презрение и ненависть ко мне я приемлю как долг. На своем пути я видел много такого, что искривило душу мою, и теперь эти страшные изгибы приходится исправлять со всей жестокостью, не считаясь ни с собственной совестью, ни с мнением других. Я, например, без всякого основания жесток к людям, которые меня любят, и признателен тем, которые убежденно и искренне меня ненавидят. Это какое-то страшное уродство, которое другим может показаться моей рисовкой под "необыкновенного человека". У меня, должно быть, не будет настоящего друга еще и потому, что я никогда не показываю признака любви даже к тому человеку, которого даже очень люблю; наоборот, весь свой словесный яд, как из водосточной трубы, я лью на голову своему любимому, чтобы возбудить в нем звериную злобу ко мне, и с тем, чтобы еще крепче его любить. Как всякий русский любит острую пищу, так я люблю резкие, острые взаимоотношения. Паточное отношение ко мне всегда меня бесит.

Мне не раз предоставлялась возможность выехать в тыл, но я все время отказывал себе в этой прелести, так как там, в тылу, мне пришлось бы очень много думать, а здесь все ясно, просто, по-солдатски логично: прогнать немца с родной земли! Никакие другие страсти не волнуют меня. Здесь сердце "не расквасится" при виде гибели друга. Здесь смерть - будни. Люди по-будничному умирают для того, чтобы на этой грешной, истерзанной земле было все время празднично.

Однако я отвлекся.

Итак, Оля, после всей этой дерзости я должен позволить себе еще большую дерзость: просить тебя, чтобы ты продолжала писать мне письма. Я с большим интересом буду следить за твоей жизнью, и там, где потребуется мой совет, я немедленно поспешу с ним к тебе. Отныне это последний абзац, где я дерзнул еще по старой памяти называть Вас на "ты". Прошу - презирай меня: мне это будет легче вынести, чем просьбы, мольбы и прочее. Не отчаивайся. Вас окружают люди, которые милее и умнее меня. Повторяю, Вы замечательная, чистая и честная девушка, и не Вам меня, и не мне Вас любить; я груб, жесток, и не мне быть вашим мужем, Ольга!

Прежде чем кого-то полюбить и быть кем-то любимым, я должен буду долго и жестоко бороться со своим дурным характером. Я чувствую в душе своей большую силу и боюсь, что она меня погубит окончательно, если я не объявлю самую беспощадную борьбу и не одержу победы над ее опасными искривлениями.

Это мое письмо есть один из актов этой борьбы с самим собой.

Я очень много потерял через свой дурной нрав и мог бы потерять все, если б вовремя не догадался взять себя в работу.

Желаю Вам счастья и здоровья.

Привет вашей милой семье: папочке, маме и бабушке.

29/1-1944 года.

Михаил Алексеев.

Вслед за этим "роковым", по определению Ольги, моим письмом последовало другое - очевидно, в ответ на ее реакцию, о коей читатель, надеюсь, легко может догадаться:

Милая Ольга!

Вы не правы, назвав мое письмо бредом. Это не бред - это шедевр безумия, жестокости и бессердечного отношения к человеческим чувствам. Все это так и все это далеко не так: так - с Вашей точки зрения и не так - с моей. Я около трех лет нес чашу нашей любви, хранил, упивался ею и... споткнулся, споткнулся и расплескал по ухабам войны. Разве споткнувшийся человек виноват в том, что он расплескал чашу хотя и драгоценной, живительной влаги?..

"Ложь". Я ненавижу это слово! Именно поэтому я и сказал Вам всю правду, пожертвовал своим именем в Ваших глазах и глазах Вашей замечательной семьи.

Пусть я безумный, пропащий человек. Но скажите Вы мне, Ольга, как бы вы поступили на моем месте, однажды убедившись, что прежних чувств нет? Продолжали бы писать в прежнем тоне, то есть в том, который гармонировал с сердцем прежде? Нет, Вы, честный человек, поспешили б сказать правду: она хоть и горька, но куда лучше красивой лжи.

У меня нет таких "дружков-приятелей", которые толкнули бы меня на подлость. И прошу Вас во всем винить только одного меня. У меня, может быть, не так уж много ума, но его вполне достаточно, чтобы не поддаться на удочку. Кроме того, я слишком самолюбив, чтобы пользоваться мнениями других в таких случаях.

"Ты меня не любишь, да и не любил". Не любишь... Не любил... Как знать?! Мы далеко друг от друга, и нам трудно разбираться в сложной борьбе душевных интриг каждого из нас. И если я сейчас почувствовал пустоту, так бог знает, кто виноват в этом. Мне кажется, винить надо жизнь: она слишком много от меня потребовала и слишком мало дала мне хорошего.

"Тебе надо... полюбить какую-нибудь девушку". Зачем, Ольга? В силах ли слабая, хрупкая девичья рука сдержать коня, в безумстве мчащегося прямо в пропасть? Она погибнет вместе с ним. Вы, отдавшая мне всю прелесть своей чистой, непорочной души, Вы, отдавшая всю силу и обаяние своего тонкого ума на то, чтобы поддержать меня, - Вы не могли ничего сделать! Так способен ли кто сделать это вообще?

Из этих строк надо подумать, что я безнадежный пессимист. Но я слишком люблю жизнь, чтобы быть им. И потому, что я ее люблю по-своему, по-особенному, я

делаю один промах за другим. У меня нет расчетов того здравого, точного ума, хотя я отлично понимаю, что хорошо и что дурно. Вот по этой причине я очень мало думаю о себе.

Вы предлагаете мне покинуть фронт и попросить разрешения о выезде на время в тыл, чтобы отдохнуть. Но ведь я там сойду с ума. Ведь я не могу брать от жизни все, что можно. Я даже не могу удержать то, что она мне дает... и безжалостно отвергаю, причиняя, таким образом, страдания и себе, и другим людям.

И все-таки я не пропащий человек. Верно, война ожесточила меня. Действительно, я ей много отдал (а разве я мог поступить иначе, когда все, что было дорого моему сердцу: Родина, братья, друзья - подверглись страшной опасности?). Сегодня я оправился от своего четвертого ранения. Пришел, и мне вручили Ваше письмо. Впервые в жизни правая бровь задергалась в нервном тике. Жесткая спазма перехватила глотку. Это я-то лжец?! Я отрекся от всех житейских благ и радостей разве для того, чтобы прослыть мерзавцем?

Любил ли я? Я и сейчас люблю, только любовью страшно расширенного сердца, которое то любит до безумия, то пустеет. Кончится война, сердце начнет биться спокойней, ровней и, может быть, обретет настоящую, крепкую любовь.

Сейчас я в Румынии. Волчья грусть по Родине. Как я зол на свой неуютный характер. Кто поймет меня, кто поддержит?

Получил и второе письмо от Вас, Оля. Это на имя командира части. А командир-то части я... Что ж ответить Вам? Жив-здоров капитан Алексеев, по-прежнему громит врагов, физически и морально достаточно силен, чтобы воевать до полного разгрома немецкой сволочи.

И все-таки уязвимо его сердце...

Ты далеко, и вот письмом
Могу лишь я тебя тревожить,
Да перед неспокойным сном
Свою любовь на версты множить.

Их много пройдено с тобой,
Я - наяву, а ты - незримо.
Следила, что ли, ты за мной,

Коль беды проходили мимо?

Быть может, стережет и смерть
Меня в горах иль у овина,
И, верно, не со мной иметь
Тебе малюток - дочь и сына...

Умру вдали простым бойцом
И безучастным в их рожденье,
Но право зваться их отцом
Мной завоевано в сраженье;

Я выстрадал его в бою,
В любви, в терпенье и в разлуке...
О милая! Зачем пою?
Вам не понять солдатской муки!

Вам, не глотавшей смрадный чад
И трупов горькое дымленье,
Не шедшей сотни дней подряд
Навстречу смерти в наступленье;

Вам не понять и не узнать,
Не видевшей со мною рядом,
Ни дрогнувшую Дона гладь,
Ни кровь на камнях Сталинграда...

Так выслушай же до конца
(И не смотри с таким испугом),
Как бились люди у Донца
И умирали как под Бугом

За то, чтобы в родном краю
Было светло весны цветенье,
За то, чтоб жили, как в раю,
И Вы, и ваше поколенье.

О, сколько мне еще идти

Средь воя, грохота орудий...
Ну что ж, любимая, прости,
Мой путь далек еще и труден.

Дай руку мне... ты далеко,
Тебя я больше не увижу...
Но знай, что имя своего
Вторым безумьем не унижу.

Прости, Ольга! У меня даже бумаги хорошей нет. Питаю слабую надежду получить от тебя ответ. (часто путаюсь в обращении к Вам: то на "вы", то на "ты" - сразу не отвыкнешь. Да и зачем было отвыкать!)

Но нет! Простить мне этого нельзя. Я - безумен.

Будьте здоровы и счастливы. Привет всей вашей семье.

5 мая 1944 года.

Румыния.

Михаил.

P.S. Будет несправедливо с Вашей стороны потерять веру в людей только потому, что я негодяй. Ведь не все же такие мерзавцы. Меня искалечила война, Вы говорите. Но это же не совсем так. Сегодня прочел в "Красной звезде" статью Ильи Эренбурга "Армия жизни". Там есть слова, удивительно правильно вскрывающие, казалось бы, огрубевшую солдатскую душу. Вы же намекаете, что война извратила мои чувства, лишила их чистоты и искренности. А писатель говорит: "Любит тот, кто защищает других, рискуя своей жизнью". А вся моя беда состоит в том, что я слишком откровенен и прям. Моя жестокая прямота создала мне очень много врагов, которые пользуются всяким случаем, чтобы уязвить мое уже уязвленное сердце.

Вам, Оля, нечего завидовать тем девушкам, которые берут все...

Вы слишком чисты, чтобы быть такой...

* * *

А теперь я подумал, прошу и вас, дорогие мои читатели, подумать вместе со мною о том, что могла бы сделать иная девушка, получив то действительно роковое и жестокое письмо

мое от 29 января 1944 года? Скорее всего, она взяла бы все полученные ею до этого мои письма и сожгла их, предварительно порвав их в клочья, но Оля не сделала этого, сохранила все до единого!

Этими-то строчками и должно было бы мне и завершить это необычное повествование, ежели бы не Оля, Ольга Николаевна, живущая где-то далеко, за горами, за лесами в непонятном для нас "ближнем зарубежье". Словно бы почуяв, что я уже изготовился, чтобы поставить точку, поспешила выслать мне еще две (на этот раз последние) бандероли с моими письмами, без коих повествование наше было б в значительной степени обескровлено.

Привет, Оля!

Получил твое письмо. (к черту - "вы" мы достаточно дружили, чтобы обращаться друг у другу на "ты". Не люблю всякую условность, а такую - в особенности. Я и сам теперь не понимаю, почему я назвал тебя на "вы"...)

Несмотря на происшедшее между нами, я с прежним волнением сграбастал твое письмо. Внешне оно ничем не отличалось от прежних твоих писем - все та же любовная рука конвертовала и оформляла это письмо. Безумец, что я наделал!..

Суровая, беспощадная жизнь! Зачем ты так сложна?..

Губы грыз от ярости львиной,
Выходил из последних сил:
От моей дорогой и милой
Враг все дальше меня теснил.

Страшной спазмой сжимало глотку.
К черту жизнь! Подавай мне гроб!..
С головы я срывал пилотку,
Комкал в лапах и тер свой лоб...

Эти строчки написаны мною в тяжелые дни отступления, в 1941 году, уже под Харьковом, когда я считал, что ты, Оля, не успела уехать из Сум.

В самые мрачные минуты я не забывал о тебе. И вдруг, почти через три года, случилось это. Что же случилось? Кто хотел этого?

"Довольно паясничать, - скажешь ты, - каждому ясно, что виноват во всем ты!"

Я - и не я!

Я очень рад, что ты хоть немножко поняла меня, Оля. Теперь по старой привычке я хочу рассказать тебе о себе.

Как только произошло это, мне не повезло. Я теперь, несмотря на всю мою оптимистичность, не надеюсь, что долго проживу. Кроме физических ударов, со мной недавно произошло такое, от чего я до сего времени не могу прийти в себя. Нелепый случай поставил меня в трагическое положение, и я порою пребывал в кризисном состоянии. Все хорошее, что мною сделано за много лет, грозило в одно мгновение рухнуть. И только нашлись умные люди, поддержали меня, и я нашел в себе новые силы бороться. Кроме того, я добился больших сдвигов в работе над поэмой, которую я начал еще в 1941 году. План поэмы слишком обширный, и боюсь, как бы мне над ней не надорваться. Во всяком случае, я тороплюсь в ближайшие несколько месяцев ее закончить, а то она вообще не будет закончена...

Чувствую себя плохо. Я этого никогда не говорил, а сейчас все равно...

О нашей встрече. Теперь я ее желаю больше, чем ты. Мы обязательно должны встретиться. На днях меня хотели послать в Москву, в академию, и я дал было свое согласие, а сейчас как будто все лопнуло. Видно, мне служить на войне до ее конца.

Как только представится возможность быть в тылу, я добьюсь встречи с тобой.

Между нами не должно быть отчужденности. Хотя надежда попасть в тыл у меня очень слабая. Я старый солдат и нужен здесь.

В этом письме высылаю тебе свою фотографию. Правда, она предназначалась для служебных целей, да неважно. Лицо мое.

Что я могу сказать о твоей встрече с капитаном? Ты одна из тех, к сожалению, редких девушек, которые не могут торговать своими чувствами, как бы дорого им ни платили.

Я сейчас еще ничего не решил. У меня была масса встреч с разными девчатами, и я не давал себе воли к соблазну. Я теперь не решаюсь вообще обещать девушке свою любовь. Мне кажется, что я скоро буду просто развалиной. Зачем же рядом с собой калечить еще одну молодую жизнь?

Конечно, мне очень и очень больно. Я отдал много сил и собственной крови для завоевания хорошей жизни. И мне хотелось бы тоже хоть раз пожить хорошей жизнью. Ведь я все-таки молод и очень хочу жить. Я был бы счастлив умереть, сознавая, что на просветленной земле будут жить только люди, которые душою и телом болели за судьбы своего народа, за судьбу своей Родины. А то ведь повылезут из своих щелей слизняки, причешутся, пригладятся, залезут на трибуну и будут звенеть колокольчиком, призывая к порядку. Я хотел бы еще побороться и с ними.

Мой брат отдал войне все. А если не все, то почти все. Мне уже не придется увидеть глаза любимой, не дышать запахом ее волос, не ощущать теплоту ее губ.

Я, если не умру, буду петь и писать о любви и для любви. На этом кончаю. Жду твоих писем. Привет папе, бабушке, маме.

6 июля 1944 года.

Твой безумный Михаил.

Румыния. Фронт.

* * *

А 13 августа 1944 года из Румынии же послано мною еще одно маленькое письмо:

Здравствуй, Оля! Как-то ты просила меня, чтобы я выслал тебе свои рассказы.

Вот я и посылаю тебе один рассказ, обещаю и впредь высылать все, что будет написано мною...

Не осуди за краткость письма - мне очень тяжело стало писать письма, и я больше молчу, потому что так легче...

От тебя больше не получаю писем. Очевидно, ты решила не писать. Не собираюсь порицать: ты больше чем вправе поступить так.

Будь здорова и счастлива!

Твой Михаил.

* * *

Дорогая Оля!

Вчера послал тебе препаршивенькое письмецо, поддавшись минутному настроению. А сегодня, 15.08.44 г., получил твое большое, хорошее и, как всегда, умное письмо и теперь ругаю себя. Да что я, в самом деле, принялся читать панихиду над собой?! К черту!

Я теперь понял, что не имел права так вредительски, безжалостно-хищнически относиться к своему здоровью. А раз уж поступил так, то к чему же теперь выть? Надо брать себя в руки и продолжать борьбу, пока еще вся энергия не истрачена.

На днях я только что вернулся из Дома отдыха. Как видишь, меня заметили и послали отдохнуть. Пятнадцать дней я отдавал себя в полное распоряжение лени. Считаю, что она этого заслужила своим терпением за три с лишним года войны... И я убедился, что еще не совсем конченый человек. Сейчас чувствую себя значительно лучше и могу даже на бумаге логически, последовательно мыслить, чего за последнее время не наблюдалось. По этой причине я напишу тебе большое письмо, будешь читать его, пока не надоест. Сначала отвечу на некоторые твои вопросы.

Конечно, я еще не седой, хотя волосы мои по неизвестным для меня законам совершенно посветлели; но знатоки это явление не называют сединой. Некоторые приятели мне это объясняют тем, что "на дурной голове все может случиться"... Я, понятно, с ними не совсем согласен...

Что касается моей поэмы, то я ее пока отложил в сторону. Писал-писал и вдруг понял, что пишу не то, что нужно. Пусть немножко полежит, а я тем временем наберусь побольше ума.

Понимаешь, Оля, проходит время, копаюсь в книгах, присматриваюсь к людям, событиям, и вдруг передо мною открываются новые горизонты. И все, что было написано мною ранее, кажется настолько ничтожным и наивным, что просто стыдно за себя. Как, мол, это я мог нагородить такую несуразицу.

Я все больше убеждаюсь в том, что надо писать о жизни так, какая она есть, о людях так, какие они есть. Иными словами, надо писать об обыкновенных вещах, писать просто, но так, чтобы из обыкновенной истории читатель мог увидеть обобщенное явление действительной жизни, так, чтобы обыкновенные, смертные люди были в своей простоте необыкновенно

красивыми и возбуждали бы стремление к жизни, утверждали жизнь.

Я же все время выдумывал необыкновенные истории и необыкновенных людей, отсюда - фальшь, выспренние выражения, неубедительность.

К этому убеждению я пришел еще и потому, что как-то написал небольшой рассказ - это было в 1940 году, назывался он "Жулик". (Помнишь, я просил у тебя выслать его, полагая, что оригинал у тебя.)

Писал я его от души, забыв о всякой идее. Я описал обыкновенную историю одной обыкновенной собаки. Послал рассказ в Саратов, в областное издательство художественной литературы. Послал - и забыл про это. И вот уже на фронте получил как-то от одного друга, учителя, письмо, что моим "Жуликом" зачитываются дети и что учителя пользуются этим рассказом на уроках чтения. В чем дело? Оказывается, вся ценность моего рассказа была в простоте содержания. Уж слишком реальны и жизненны его образы.

Теперь все мое стремление - отойти от трафарета. Обычно пишут о людях фронта, обязательно приукрашивая их. Хотя в этом приукрашивании они нисколько не нуждаются.

...О нас с тобой. Мне кажется, что мы будем друзьями всегда, потому что советы наши друг другу в жизни очень нужны...

Не знаю, как ты, а я очень нуждаюсь в твоих письмах. Они всегда поддерживают меня.

Думаю, ты и впредь будешь присылать мне свои хорошие письма. Постараемся быть необходимыми друг другу. А о старом, так и быть, забудем. Я еще обвиняю себя в том, что я очень стал невнимательным к своим друзьям. Это не хорошо. Постараюсь не быть таким.

P.S. На днях закончил, между дел, начатую еще под Сталинградом небольшую вещь: не то повесть, не то рассказ. Сама потом разберешься. Со следующего письма я буду тебе высылать ее по частям.

А сейчас - пока. В блиндаже темно, ночь, приходится свертываться.

Привет всем.

С приветом - Мих. Алексеев.

13.08.44.

Румыния.

Вот когда только вновь появился этот "Мих"! Лишь на очень дальних подступах к собственно литературе, да и то лишь в размышлениях моих о ней. Но и это уже неслучайно.

* * *

Моя дорогая Ольга!

Сегодня у меня большая радость: получил твое письмо с фото. если бы ты знала, как далеко я сейчас забрался. И вдруг письмо, да еще с фотографией. Сердце переполняется потоками чувств, которых не выразить в простых словах, и вот - стихотворение:

Над фотокарточкой любимой
Я узнал глаза твои, родная,
Этих губ знакомых очертанье,
Эта встреча на переднем крае
самое чудесное свиданье.
Я на миг забылся, вспоминая
То, что позабыть не в состоянье...
Ты же знаешь, на переднем крае
Очень редки нежные свиданья.
Я забылся, взор твой синеокий
И твою улыбку вспоминая.
Где-то далеко ты на востоке,
Я ж иду на запад, наступая.
Я вхожу в сожженные селенья...
Все длинней меж нами расстоянье.
Я иду дорогой наступленья
К нашему грядущему свиданью...

Как мне отблагодарить тебя, Оля!

Какое хорошее, чудесное у тебя сердце. Я тебе причинил столько горя, а ты забыла все обиды. Нет, я недостоин твоей любви! Ты лучше прокляни меня. Я это приму как должное.

Как с вашей поездкой в Сумы? Не нужна ли тут моя помощь? Напиши, не стесняясь.

О себе - коротко. Жив, здоров и даже бодр...

...На десять минут прерывал письмо. Началась сильная бомбежка, и пришлось лезть в щель (фронтовики тоже боятся смерти).

Сочинять я сейчас почти ничего не сочиняю. Не до

этого. Прошу тебя, пиши почаще.

А главное - выздоравливай. Что ты придумала болеть! Будь счастлива.

С приветом - Михаил.

29 августа 1944 г.

Трансильвания.

* * *

Милая Оля!

Получил твое письмо от 26 августа, посвященное трехлетию нашего с тобою знакомства. Оно, это твое письмо, нашло меня в Северной Трансильвании, в глубине Карпатских гор. Черт возьми, как часто бьется сердце!.. Почему? Не знаю, я ничего не знаю...

Перед глазами бегут строчки: "Здравствуй, жизнерадостный, веселый - с вечною улыбкой на устах..."

Про кого это? Неужели про меня?.. Боже мой, тогда я - это не я, я не узнаю себя. Где она, эта вечная улыбка?.. Не ее ли унесла смерть брата?.. (Брат мой, Алексей, погиб под Ельней в конце сентября 43-го года, а я узнал об атом уже за Днепром, уже на подходе к Румынии. - М.А.)

Или она испугалась страшного, исковерканного лица друга, которому я, кровяня пальцы, мертвые очи смежал? Или она покинула меня в миг, когда смерть в образе немецкого танка мчалась прямо ко мне?.. Только нет ее, этой улыбки, нет ее больше!..

Сегодня я снова хоронил своего друга, с которым воевал вместе от самого Дона. Как тяжело погибать, когда победа вот-вот настанет... Так вот может оборваться и мой след где-нибудь в долинах Венгрии или в горах Чехословакии... Нет, мне очень хочется жить, а еще больше - переступить рубеж страшной, черной, демоновой страны, откуда пришла для миллионов честных, добрых и умных людей моей Родины смерть. В Германию я хочу войти!

Я не пессимист. Наоборот, я понял жизнь и очень люблю ее. Но сердце мое потрясено увиденным. Разум мрачнеет, когда думаешь, что такое могут творить существа с человеческим лицом... И мне хочется заглянуть в самую утробу, где зрели эти страшные существа. Заглянуть, плюнуть и уничтожить это дикое

гнездо!

Тут не приходится поднимать голову, чтобы посмотреть на облака или тучи: прохладные, то хмурые, то белые и перистые, они скользят у наших ног. Куда забрались! Хмуры, мрачны Карпаты. Да ничего! С них лучше видна наша победа! Много всякого видено и пережито. Мимо меня промелькнула Румыния с ее садами и миллиардами всевозможных паразитов, с ее грязью, вонью в деревнях и обманчивым блеском городов - вот какой останется в памяти моей Румыния.

Там можно иметь сотни голов скота и быть несчастным.

Приближаюсь к Венгрии. Какие еще зрелища откроются перед моими глазами? Чем еще изумится мой беспокойный характер?..

Да, об улыбке. Она изредка приходит ко мне, но какая-то уж слишком вялая. Но это пройдет, как только кончатся все эти ужасы. А пока в глазах моих (так говорят мои товарищи) постоянно сверкают злые огоньки.

Ну, до свиданья, Оля. Будь счастлива. Привет папе, маме и бабушке.

Мих. Алексеев.

14 сентября 1944 года.

Трансильвания.

* * *

Ольга Николаевна!

Мой добрый, умный товарищ! Вот уже четвертый год ты терпеливо и внимательно следишь за мною, за моим ростом и моими боевыми делами. Ты вместе со мною радуешься моим успехам и переживаешь горечь моих неудач. Ты осталась верной мне, когда я причинил тебе большую боль. Ты любила меня даже в то время, когда меня нужно было ненавидеть... Скажи, чем отблагодарить тебя?

Ты на протяжении трех страшных, суровых лет была моим неизменным спутником. И твои умные письма были нужны мне, как ласковая, теплая ладонь девушки-сестры на воспаленной голове тяжело раненного бойца...

Вот и сейчас, в минуты нахлынувших на меня горячих мыслей, я вновь обращаюсь к тебе, как к

человеку, которому я наиболее понятен и дорог.

Сегодня, в горах Северной Трансильвании, пришла выписка из приказа о награждении меня четвертой правительственной наградой. Подумай только, Ольга, четвертой!.. Значит, не зря мок в землянках. Значит, оценили мой солдатский труд. Значит, не придется краснеть перед Родиной!

Родина!.. Я нигде еще с такою силою не ощущал значения Родины, как вдали от нее. Вот сижу сейчас в роскошной комнате помещичьего дома. Над окном свисают огромные янтарные гроздья винограда. Да только не мило все это!

Что значат все эти виноградники против жгучей крапивы возле захудалого отчего дома недалеко от Волги! Милый край! Где ты остался со всеми твоими "прекрасными лужами" и дорожными ухабами? Где ты, край, в котором проводил я свои грешные дни?.. А оказавшийся рядом со мною гвардии рядовой Александр Гончар (будущий знаменитый писатель Олесь Гончар. - М.А.) вот с таким же чувством думал о своей ридной Батькивщине, когда писал:

Сереют доти чужи навпроты
Ничего бильше нема.
А там десь дома весна знакома
Зелени руки пиднма.

В зеленой стране Румынии я, так же как и мой однополчанин, не видел этой весенней зелени. Я не хотел ее видеть. Передо мной маячили серые доты только их я видел. Только затем я и пришел в эту страну, чтобы никогда больше не было этих проклятых дотов.

Я могу восхищаться красотой той или иной страны. Но никогда этой красоте не удастся обольстить мое русское сердце. Я никогда не полюблю ее. Я не понимаю русских людей, которые проживают за границей. Как не загложет их звериная тоска по Родине?!

Мне, солдату, и то, бывают случаи, хочется встать на четвереньки, задрать кверху нос и завыть по-собачьи... Ты понимаешь, Ольга, собачью грусть?

Только кончится война, сразу же поеду домой. Напиши свои мысли об этом.

Желаю тебе доброго здоровья. Привет всем.

4.X.44.

Мих. Алексеев.

Удивительная женщина эта Ольга Николаевна Кондрашенко!

Будет справедливо в высшей степени, ежели я и завершу эту исповедальную для нас обоих документальную маленькую повесть ее, Оли, Ольги, Ольги Николаевны, письмом, вообще уж потрясающим:

Ужгород, июнь 2002 года.

Миша, здравствуй, славный мой!

Подготовлена следующая партия твоих писем, написанных в тяжкие времена - годы Великой Отечественной войны. Среди них особенно дорогие и близкие моему сердцу, принесшие мне много радости и счастья, вселившие в мою душу веру, надежду, любовь, вдохновившие меня на жизнь, полную интереса.

Итак, друг мой сердечный, передо мною твое письмо от 29 января 1943 г. Прошло более полувека со дня его получения, а я как бы вновь переживаю состояние, которым была охвачена в тот незабываемый день. Однако событием это оказалось не только для меня и моих родителей, что вполне естественно и закономерно, но даже и мои друзья были взволнованны и очень активно и своеобразно отреагировали на происшедшее. Быстро решили заказать кольцо (в годы войны золото обесценилось, потому ювелир сделал колечко за двести рублей - почти за столько, сколько стоила на рынке буханка хлеба). Конечно, дело не в стоимости (это между прочим), а в том, что, надев таковое мне на палец, заявили, что с этого момента я обручена и принадлежу только одному человеку и, что бы с ним ни случилось, связана с ним судьбой навсегда, то есть с тобою, мой любимый! Такого же мнения была я и сама, когда давала тебе в ответном письме свое согласие, поэтому мужем своим считала только тебя, Миша, а не кого-то другого. Пусть такое покажется кому-то смешным, глупым, неправдоподобным! Возможно, люди правы в своих умозаключениях. Может быть, моя позиция и мое решение по этому вопросу заслуживают порицания или осуждения- не отрицаю. Со стороны, говорят, виднее - возможно, так и выглядит эта история, когда расцениваешь ее разумно, подходишь к ней здраво, с умом. И все же для меня лично, с моей преданностью, привязанностью к тебе - такое было нормальным явлением...

Я никогда первой не шла на сближение, не проявляла бурно своих чувств, однако если таковые во мне рождались, то они были сильными и постоянными. Мама не раз, особенно в последние годы жизни, восклицала: "Господи, что же за репей у меня родился?!" Вот и к тебе, дружочек, привязалась на всю жизнь... А зачем? Какую радость ты мог испытывать от этого, имея семью: любимых жену и дочерей? Да и сейчас с тобой женщина, которую любишь и счастлив с нею... Моя судьба оказалась менее удачной и счастливой, но она, как говорят, злодейка, и от нее никуда не денешься. Главное, что ты остался жив, находясь в страшном аду Сталинградской битвы, да и дальнейшие сражения были не менее страшными и опасными. Что тебе удалось осуществить свою заветную мечту - стать писателем, причем известным, признанным, любимым, хотя, я прекрасно понимаю, досталось признание большим трудом, можно сказать, титаническим, на пути встречалась масса огорчений и горьких обид, всякого рода несправедливостей, что, пожалуй, самое страшное, однако ты, друг мой дорогой, пережил и много радостей, когда тебя хвалили, восторгались тобою, признавали твой незаурядный талант.

Что ж, Мишенька, рада за тебя, желаю дальнейших успехов!

Ольга.

Глава четвертая
Комсомолец-доброволец

Ну а теперь, кажется, подоспела пора рассказать о том, как я породнился со Сталинградом в буквальном, житейском смысле. Для этого мне придется взять небольшой кусочек из эпилога "Моего Сталинграда", автобиографического романа.

С весны 1942 года в пригородном поселке Бекетовка жила-была семнадцатилетняя девчонка. Звали ее Галей. Она была тоже сиротой, как и Валя Сероглазка, одна из героинь помянутой здесь книги. Она, Галя, тоже убежала от мачехи, кою с полным правом можно отнести к классической категории "злой мачехи". Но убежала не на фронт, а к своей старшей сестре Нине, которая жила с мужем и двумя детьми в Бекетовке.

Но война быстро подкатила и сюда. Получив аттестат зрелости по окончании десятилетки, девушка добровольно пошла защищать город, ставший не только для ее сестры, но и для нее родным. С той поры она и стала называть себя "комсомольцем-добровольцем", так вот, в мужском роде. Сделалась связисткой-телефонисткой не где-нибудь, а в штабе 64-й армии, когда этот штаб перебрался в Бекетовку. Что и говорить, нелегко ей было там. Замешкаешься чуть-чуть, а на нее уже кричат. Особенно сердито - адъютант командующего. Известна общая слабость всех адъютантов ставить себя выше своих непосредственных командиров. Адъютант кричал, а вот Михаил Степанович Шумилов в таких случаях говорил своим тихим, глуховатым голосом: "Ну что же ты, девушка, порасторопнее надо. Бой же идет". Говорил строго, но отечески строго. И Галя любила командующего, но не любила его адъютанта, который ко всему домогался еще ее близости. И девушка в конце концов добилась того, что ее перевели в танковую бригаду.

Все это я узнал потом. А то, что где-то рядом находится существо, которое станет моим спутником на целых сорок два года, не знал, не ведал. А случилось это так.

В этой истории нет и капельки вымысла, хотя она могла бы стать сюжетом ловко закрученной приключенческой повести. Жизнь, в особенности фронтовая, подбрасывала иной раз такое, чего, как говорится, нарочно не придумаешь.

Конец марта 1944 года. Правобережная Украина. Черноземная, трясинистая, какой ей и полагалось быть в весеннюю распутицу. Грязища непролазная. И бредут по ней в своих ватниках три девчонки-связистки. За плечами карабины, за

спинами у двух катушки с проводом, у третьей - полевой телефонный аппарат. Куда бредут? А туда, на юго-запад, в сторону Румынии, где за горами, за лесами ждет их оперативная группа штаба 64-й, а теперь уже 7-й гвардейской армии, - там их, этих восемнадцати-девятнадцатилетних, ждут, там они должны раскинуть связь. Соединить опергруппу с передовыми частями, вошедшими наконец в соприкосновение с оторвавшимися в поспешном отступлении дивизиями противника.

Девчата устали до невозможности. Им страшно хочется поесть, а есть-то нечего: тылы с продовольствием остались, увязли в грязи где-то далеко позади, "бабушкин аттестат", кажется, тоже иссяк, - не могли сердобольные украинские бабуси накормить целую армию, вот уже целую неделю двигающуюся через их селения. А перед тем через эти же села и деревни прошлась голодная и злая от неудачи армия немецкая: гитлеровцы не станут церемониться, после них действительно для других народов хоть потоп.

Взмешенная сотнями тысяч ног, копыт, гусеницами танков, колесами артиллерийских орудий дорога уходила в гору и скрывалась где-то за этой горой - оттуда доносились сочные, не приглушенные большим расстоянием артиллерийско-минометные выстрелы и автоматно-пулеметные очереди. Девчата останавливаются все чаще. Ноги отказываются идти дальше. Они, ноги, дрожат и от усталости, и от страха. Связистки не знают, кто там, за горой, свои или..... вот это "или" и придерживает воинов в ватных брючишках.

– Девчата, может, подождем маленько, - предлагает Вера. - Появится же кто-то из наших.

Подруги не отвечают, но вслед за Верой останавливаются и взирают вокруг себя с робкой надеждой. Востроглазая Рита первой различила вдали, у подножия горы, на которую они поднимались, две разительно неравные человеческие фигуры. Неравенство это сделалось более разительным, когда фигуры стали хорошо видимыми. Одна из них, малая, была облачена в добротный белый полушубок, изготовленный где-то в далекой Монголии, а другая - в шинель, которая доставала лишь до колен, не прикрывая их полностью. Это были журналисты из "Советского богатыря": редакция тоже осталась позади и находилась теперь бог знает где. Журналистам же, гвардии старшему лейтенанту Михаилу Алексееву, по должности заместителю редактора, и лейтенанту Юрию Кузесу (в редакционном быту его все в глаза и за глаза называли Казусом), нужно было во что бы то ни стало догнать передовые части своей дивизии и добыть там свежий материал для газеты.

Чувствовали себя эти двое малость пободрее, потому что в последней перед этой горой деревне, в самой крайней хате, смогли подкрепиться все-таки по "бабушкину аттестату". Хозяйка, пожилая "титка" Фанаска, поначалу всплеснула руками, завидя в дверях этих двух добрых молодцев, поскорее сообщила им, что они за одно только это утро оказались у нее сотыми: разве их "усех нагодуешь", то есть накормишь?! Призналась все-таки, что осталась лишь одна сваренная для холодца коровья голова - "бильше ничого нема".

– А ты, тетенька, не могла бы отдать ее нам? - осведомился Юрка Кузес.

– Будь ласка. Да разве ж вы будете ие снидать?

– Будем, будем! - отозвались мы хором. - Голод, тетенька, не тетка! сострили также хором, усаживаясь за стол.

Подхарчившись таким образом и повеселев, мы поднимались теперь в гору, подтрунивая, по обыкновению, друг над другом.

– Скажи, Михаил, как бы ты, будучи командиром полка, брал эту высоту? спросил Юрий, указывая на макушку горы.

– Смотря кто командовал бы на той высоте, - ответил я.

– Ну, допустим, я.

– Тогда мне и нечего было бы голову ломать!..

Расхохотались. Между тем увидели перед собой девчат и прибавили ходу. Через несколько минут догнали их, вместе поднялись еще немного, в небольшой ложбинке, окруженной низкорослым кустарником, расположились отдохнуть. Вера и Рита, познакомившись, уже щебетали с молодыми офицерами. Только Галя, третья связистка, присев на прошлогодней траве в сторонке со своей катушкой и с карабином, поглядывала на остальных молча, не присоединяясь к веселой болтовне подруг. Девятнадцатилетняя, с виду она была сущий подросток, узкое лицо казалось просто ребеночьим. Сказать, что ее вовсе не интересовали лейтенанты, нельзя. Галя прислушивалась к их словам. Один из офицеров, в полушубке, синеглазый, румянощекий, как девчонка, почему-то, разговаривая с ее спутницами, поглядывал часто на нее, Галю.

Отдохнув, мы поднялись на вершину горы, с которой увидели внизу большое село Ширяево. Но прежде того увидели пятерых мальчишек, занятых совсем не детским, вовсе уж не веселым делом: ребятишки стаскивали в одну братскую могилу наших убитых недавно здесь солдат. Некоторых, взятых, видимо, по пути наступления в ближайших селах и деревнях, не успели еще обмундировать, и они лежали на бранном поле в своих домашних одеждах: в пиджаках, в стареньких пальто, в черных порванных фуфайках, в разношенных ботинках и сапогах. Подростки,

сумрачные, молчаливые, лишь впятером могли нести одно тело. с лиц ребячьих, раскрасневшихся от тяжкой и скорбной работы, струился пот.

Юрка и я, а вслед за нами и девчата, сняв с себя боевые доспехи, то есть карабины, телефонный аппарат и катушки, начали помогать ширяевским ребятишкам. И тоже - молча. И только когда все тела были уложены в яму и мужская часть артели принялась засыпать ее землей, девчата сперва зашмыгали носами, потом стали уже всхлипывать, а под конец разрыдались. Участницы Сталинградской битвы, страшных боев на курской дуге, на Днепре, неужто они не видели подобных зрелищ?! Может, это не первые их слезы, пролитые над могилой павших?... Конечно же, не первые. Но в сердце женщины, как в бездонном роднике, велик запас слез - не выплакать их и во всю оставшуюся жизнь. Эти три когда-то еще станут матерями, а может, какой из них не суждено испытать материнство, но они, женщины, рождены для того, чтобы дать жизнь другим, а потому так ненавистна им смерть.

Отплакавшись, вытерли досуха глаза. Бледность проступила на лицах.

– Вы, наверное, голодны, девчата?

Молчат.

– Да, что же я за болван такой? Можно ли спрашивать? - Я покликал к себе ширяевских ребятишек. - Ребята, у вас дома не найдется что-нибудь поесть?

– Тильки молоко. Корову от хвашистив сховалы.

– Это уже немало! - воскликнул Юрка. - Ну а в твоей хате? - повернулся он к другому.

– Тильки мамалыги трохи.

– Пойдет и мамалыга! От нее уже Румынией пахнет!.. ну а у тебя? повернулся Юрка к третьему, самому юному их них.

– Ничего нема, - грустно обронил малец.

– А ты вспомни-ка, вспомни, хлопец.... Может, что-то найдется.

– Мабудь, яиц с пяток.

– Так это ж целая яичница! - восторженно взревел Юрка.

После того как ширяевские запасы были выяснены, я попросил:

– Вот что, ребята, связистки наши давно ничего не ели. Ведите их к себе и покормите. Им ведь еще далеко идти. До самой аж Румынии. Ну как, покормите?

– Покормим! - ответил за всех старший.

Вера быстро сориентировалась, взяла под руку паренька, у которого дома было молоко. Рита быстренько подошла к

мальчишке, в доме которого ждал их пяток яиц, ну а молчаливая и угрюмоватая Галя пошла в самую отдаленную хату вслед за мальчиком, чтобы угоститься мамалыгой. Мы распрощались с ними при входе в село и, не задерживаясь в Ширяеве, отправились дальше, на юго-запад, к Днестру.

До самого конца войны, да и первые месяцы после войны, нигде эти военные люди больше не встречались....

А потом случилось вот что.

Я работал уже в армейской газете "За Родину". Редакция ее располагалась в курортном городке Венгрии - Балатон-Фюрете. Однажды начальник издательства гвардии капитан Колыхалов привез из-за Балатона, от станции, с которой отправлялись первые партии демобилизованных, трех девушек, уже успевших сменить военную форму на гражданские платья. Перед тем как отправиться на Родину, каждая из них вспомнила, что ехать ей, собственно, не к кому: у одной отец с матерью померли, у другой - погибли в оккупации, у третьей осталась одна сестра, и та живет где-то далеко в Сибири. Колыхалов быстро оценил ситуацию и принялся уговаривать девчат, чтобы они остались на год-другой в армии в качестве вольнонаемных. Научим, мол, вас, будете в редакции наборщицами, а Галя-связистка будет принимать сводки Совинформбюро (они продолжали выходить). Подзаработаете, мол, деньжат, приоденетесь как следует, и тогда уж можно и домой. Подмигнув, пообещал и женишков подыскать: в редакции-де немало холостяков....

Сразу замечу, что ни я Галю, ни Галя меня поначалу не узнала. Что значит - поначалу? Встреча на ширяевской горе была так коротка, к тому же девушка держалась почему-то дальше от нас с Юркой, так что я и не смог запомнить ее. А вот тут, в редакции, я почувствовал, что все чаще и все тревожнее стал поглядывать на эту молчаливую, гордую девушку. И прошло немало времени, прежде чем мы потянулись друг к другу. И настал момент, когда я, отправляясь в очередную командировку в полки, сказал ей:

– Вот что, Галя. Я уезжаю на неделю. А ты забирай свой чемоданчик и перебирайся в мою комнату, ясно?

Она вспыхнула и ничего не сказала.

Через неделю я вернулся и не узнал своей холостяцкой комнаты. Прямо перед входом на противоположной стене распростерла крылья какая-то огромная птица с хищным клювом и обнаженными когтями, ниже - зеркало, окаймленное нарядным полотенцем, а чуть сбоку столик с белоснежной скатертью. И кровать совершенно преображенная, с куполом пестрых разнокалиберных подушек: откуда только она взяла их?!

Кончилась моя холостяцкая жизнь.

Прошло три года. Мы живем в Вене, работаем уже в газете Центральной группы войск "За честь Родины". Рожденной уже тут дочери Наташе исполнилось два года. В какой-то тихий час захотелось вспомнить фронтовые пути-дороги. Чаще всего, как это и бывает, звучало слово: "А помнишь?" Оно будет звучать, тревожа сердце и будоража память, до тех пор, покуда не покинет это мир последний ветеран. "А помнишь?" - спрашивали мы друг друга с женой. Она вдруг попросила:

– Расскажи, что тебе запомнилось больше всего из фронтовых встреч, или про какой-нибудь эпизод....

И надо же было случиться такому! Почему-то из всего виденного и пережитого на войне мне вдруг вспомнилась гора перед Ширяевом, три девушки-связистки, похоронная команда из двенадцати-четырнадцатилетних мальчишек. Я начал было рассказывать, как вдруг увидел, что моя жена вспыхнула, покраснела так, что из глаз брызнули слезы. И только тут, в эту минуту, в этот миг мы узнали друг друга: "Так это же был он, синеглазый, в полушубке белом!" - подумала она. "Так это же та Галя, которая сидела в сторонке и не подходила к нам!" - подумал я с заколотившимся сердцем.

Потом спросил:

– Почему же ты сейчас так покраснела?

– А я подумала: хороша же я была в том заляпанном грязью ватнике....

– Ты была в нем красавицей. Лучшего наряда на свете и не сыскать. Лучшей одежды то есть! - сказал я совершенно искренне.

Тогда, кажется, она впервые рассказала о том, как ушла на фронт защищать свой город Сталинград.

Теперь ее уже нет. А когда была живой, ее подруга, очень талантливая поэтесса Людмила Шикина, посвятила ей стихотворение:

Что ж ты, Галя,
Шаль посадскую
Опустила на глаза?
Где шинель твоя солдатская
Злому ворогу гроза?
Где пилотка - ломтик месяца
В окровавленном дыму?
То ли тополь в окнах мечется,
То ли память - не пойму.
За окошком - ночь осенняя,
Ты глядишь в квадраты рам.

Небо звездами усеяно.
Подсчитать бы,
Сколько ран
Сколько ран тобой врачевано,
Милосердная сестра,
Сколько раз в снегу ночевано.....
Так и будешь до утра
Все глядеть куда-то в прошлое,
На сиреневую ночь?..
Все, что жизнью было спрошено,
Что по силам и невмочь,
Отдала ты
С верой чистою...
И печалиться постой.
Веря в жизнь,
Солдат от выстрела
Заслонит тебя собой.

До ухода на фронт была Галя и сестрой милосердия, десятиклассница, хрупкая и тонкая, носила раненых в своей школе, ставшей госпиталем. Много лет спустя по просьбе внучки она часто вынимала свою красноармейскую книжку, где был отмечен весь ее боевой путь: это был самый дорогой для нее документ. Давайте и мы бережно потрогаем его своими руками. А случится вам, дорогой читатель, побывать на Кунцевском кладбище Москвы, то там можно увидеть беломраморную женщину, возлежащую на гранитном постаменте. Это она, Галя, Галина Андреевна Алексеева (в девичестве Анисимова), защитница Сталинграда, прошедшая с боями где-то рядом со мною от Сталинграда до Праги, то есть от Волги до Влтавы, и нашедшая свое вечное упокоение здесь, в Москве.

28.I.2003 г.
Переделкино